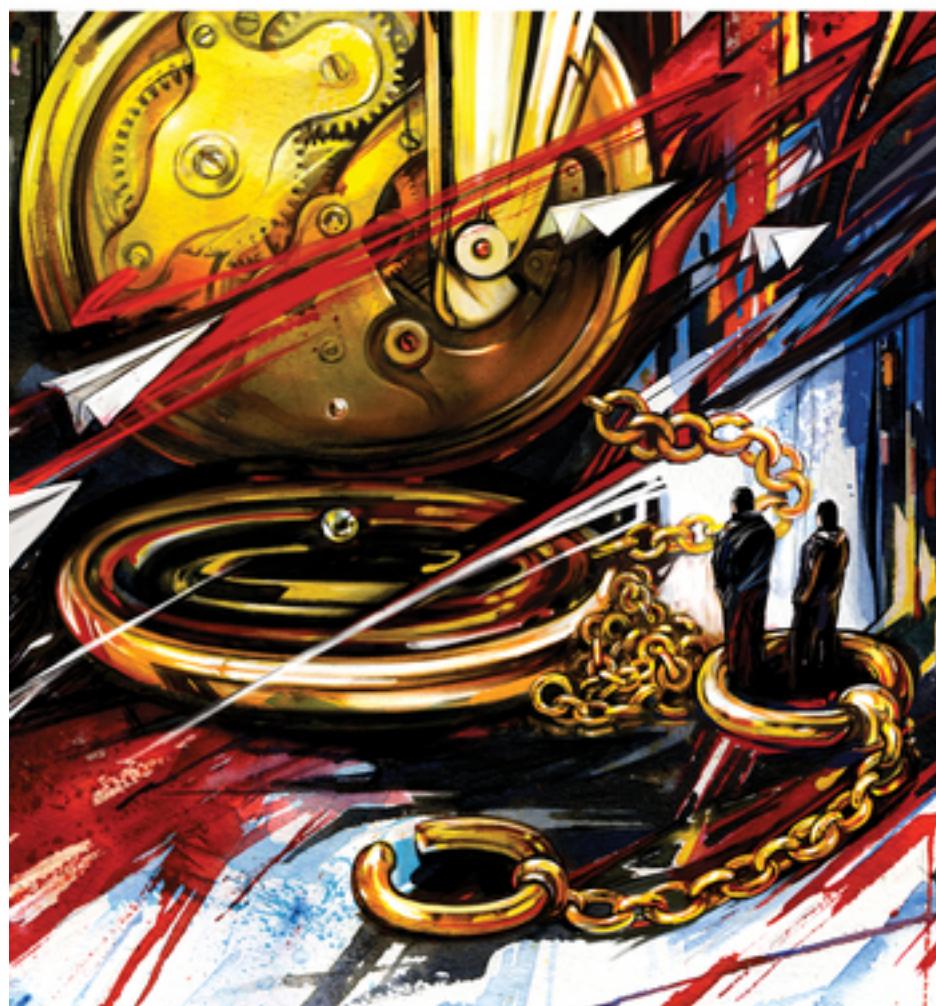

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ПРУЖИНА
ДЛЯ МЫШЕЛОВКИ

Участковый милиционер Дорошин

Александра Маринина

Пружина для мышеловки

«Автор»

2005

Маринина А.

Пружина для мышеловки / А. Маринина — «Автор»,
2005 — (Участковый милиционер Дорошин)

ISBN 5-699-13153-1

Если выстрелить в прошлое из пистолета, оно ответит тебе из пушки. В точности этого высказывания капитан милиции Игорь Дорошин убедился, приняв участие в расследовании дела маньяка, убивавшего детей в далеких семидесятых. И когда спустя годы Игорь с друзьями взялись за него, оно «выстрелило» новой серией убийств, шантажа, обмана. Они живы – фигуранты той давней истории: и бизнесмен Аргунов, и крупный чиновник Ситников, и бывший милиционер Забелин, и писательница Истомина... Ведь это только кажется, что прошлое далеко. Спираль жизни туго сжимается, чтобы неумолимо распрямиться и воздать каждому по его заслугам...

ISBN 5-699-13153-1

© Маринина А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александра Маринина

ПРУЖИНА ДЛЯ МЫШЕЛОВКИ

ГЛАВА 1

Глаза консула смотрели на Мусатова с нехорошим прищуром.

– Вы дважды меняли фамилию.

– Но я все указал в анкете. При рождении меня записали на фамилию отца. Родители развелись, когда мне было полтора года, мать взяла девичью фамилию и ее же дала и мне. Потом, когда мне было девять лет, мать вторично вышла замуж, ее муж усыновил меня и дал мне свое отчество и фамилию.

– Это я понял. Но мне нужны подтверждающие документы. В частности, свидетельство о расторжении брака и документы о вашем усыновлении и смене фамилии в связи с этим. Кстати, а где сейчас ваш родной отец?

– Понятия не имею, – пожал плечами Мусатов. – Родители развелись почти тридцать лет назад. Как я могу знать?

– Это надо знать, – назидательно произнес консул.

Мусатов начал терять терпение. Конечно, его предупреждали, что американское посольство дает визы крайне неохотно, особенно если виза не туристическая, на пару недель, с заказанными и оплаченными отелями и обратным билетом, а деловая, на пять месяцев. Ох, не хотят они русского бизнеса в своей процветающей стране! И в каждом человеке, въезжающем из России, они видят потенциального эмигранта, которому до спазмов в горле захочется остаться в США на веки вечные и который тут же придумает себе или жену-американку, или близкого родственника, уже проживающего в стране. У Мусатова и без того положение не очень крепкое, он ведь не женат, следовательно, консул может подозревать его в нехорошем намерении за пять месяцев пребывания в стране найти себе невесту.

– Надо знать, где находится ваш отец и чем он занимается, – повторил консул.

– А если его нет в живых?

– Тогда принесите свидетельство о смерти. Для вас это будет лучше.

Да уж конечно. В этом случае американцы будут уверены, что отец не проживает в Штатах и не ждет родного сыночка с распростертыми объятиями. Господи, вот морока-то!

Андрей вышел из здания посольства и не спеша побрел к станции «Баррикадная», рядом с которой так удачно припарковал машину. Надо же, ведь еще радовался, дурак, подумал, что если повезло с парковкой, то и все остальное сложится хорошо. Ан не тут-то было.

Он сел в машину, но двигатель заводить не стал. Вынул из кармана телефон и позвонил матери в Питер.

– Ну что, Андрюша? – быстро, с напористой тревогой в голосе спросила мать. – Приняли документы на визу?

– Нет. Мам, им нужны сведения об отце. Где он, что он, как он и так далее.

– О Господи, – выдохнула она. – Вот так я и знала, что конца этому не будет! Прости меня, сынок, если б я только знала, что из-за этого будет столько проблем...

– Мама, перестань, – ласково сказал Андрей. – Ты же хотела, как лучше, я все понимаю. Надо его найти и решить проблему. Ты говорила, он родом откуда-то из Курской области, да?

– Ну да. У меня есть только адрес его родителей, мы туда даже ездили, когда ты родился. Но после семьдесят шестого года я этим адресом не пользовалась, написала им только, что брак расторгнут – и все. Больше ничего не знаю. Может, они переехали, да не один раз. Как их теперь найдешь?

– Да найти-то – не вопрос, были бы деньги. Ладно, будем надеяться, что они знают, где сейчас их сын. Адрес помнишь?

– Что ты, Андрюша, конечно, нет. Надо в бумагах порыться, найти старую записную книжку.

– Хорошо, мамуля, как найдешь – сразу позвони, ладно? И я сразу же поеду. До стажировки еще два месяца, я все успею.

До семнадцати лет Андрей Мусатов был уверен, что рожден матерью-одиночкой, потому и фамилия у него сначала была мамина – Кожухов. На все детские вопросы «А где мой папа?» мать добросовестно отвечала, что его нет. Она не придумывала небылиц про погибших летчиков-испытателей или офицеров, тайно исполнявших интернациональный долг где-то в далекой загранице, она просто говорила, что поссорилась с андрюшиным папой и рассталась с ним до того, как они успели пожениться, но уже после того, как успели зачать ребенка. Никаких комплексов по этому поводу у мальчика не сформировалось, в его классе почти треть ребят росла в неполных семьях. В школу он пошел в восемьдесят первом, когда слово «мать-одиночка» уже не казалось страшным и оскорбительным, а уж на Андрюшу Кожухова никому бы и в голову не пришло смотреть косо – его мать была в этой же школе учительницей английского языка и литературы, а когда он перешел в девятый класс – стала завучем. В языковых спецшколах было два завуча, один из которых отвечал за весь цикл преподавания иностранного языка, и Ксению Георгиевну Мусатову (ко времени назначения на руководящую должность она уже несколько лет пребывала в счастливом браке и при новой фамилии) так и называли: английский завуч.

А брак у Ксении Георгиевны был действительно счастливым, Константин Мусатов оказался для Андрюши превосходным отцом, сумел не вызвать в мальчике ревности и построить с приемным сыном настоящую мужскую дружбу. Однажды двенадцатилетний Андрюша даже сказал матери:

– Хорошо, что ты вовремя поссорилась с моим отцом. Если бы вы успели пожениться, я бы с Костей не познакомился.

Как ни странно, но несмотря на всю эту дружбу и взаимную любовь, мальчик так и не стал называть Константина папой, хотя и был им официально усыновлен. Мать нервничала и переживала, а ее муж относился к ситуации философски:

– Просто ребенку нужен не столько отец, сколько взрослый друг, – успокаивал он жену. – Пусть называет меня Костей, если ему так нравится. Тем более я точно знаю, что за глаза, в кругу ребят, он говорит про меня «мой папа».

Катастрофа обрушилась на них в девяносто первом году, когда умерла старенькая бабушка Константина, в квартире которой он был прописан. Появилась возможность улучшить жилищные условия, родители активно занялись поисками обменных вариантов, и уже через три месяца семья Мусатовых собралась переезжать в новую, более просторную и удобную квартиру. Семнадцатилетний Андрей активно помогал собирать и упаковывать вещи, мать с Костей в свободное от работы время носились по магазинам в поисках мебели и всяческих необходимых в новом жилище мелочей, и так уж получилось, что Андрей самостоятельно набрел на ветхую папку с завязками, в которой между мамиными институтскими грамотами за успехи в учебе и работе студенческого научного кружка обнаружилось свидетельство о разводе Ксении Георгиевны Личко с Олегом Петровичем Личко. После расторжения брака гражданке Личко присваивалась фамилия «Кожухова». И случилось это в августе семьдесят шестого, когда Андрюше было уже целых полтора года! Значит, мама была замужем официально. Почему она это скрывала? Что в этом стыдного? Более того, свидетельство о разводе было выдано одним из московских ЗАГСов, значит, в то время они жили в Москве. Получается, они не все время жили в Ленинграде? Выходит, Андрей по рождению – москвич по фамилии Личко, а вовсе не ленинградец по фамилии Кожухов? Или как?

Вечером мама рыдала, пила сердечные капли, Костя метался вокруг нее, то и дело щупал пульс и порывался вызвать «неотложку», а Андрей сидел надутый, не понимая, что вообще происходит в их семье и почему из-за такой ерунды надо разводить целую трагедию. Потом мама все-таки успокоилась, взяла себя в руки и рассказала сыну то, о чем уже давно знал ее второй муж.

Олег Личко, Костин отец, был маньяком-убийцей, сумасшедшим, причем сумасшедшим настолько, что его, когда поймали, даже в тюрьму не посадили, а признали невменяемым и отправили на принудительное лечение в психиатрическую больницу закрытого типа. Он успел убить шестерых маленьких девочек, которых хитростью уводил из детских садов. Самое отвратительное состояло в том, что Олег было не только безумным маньяком, но еще и работником милиции, служил в уголовном розыске. От этого Ксении было почему-то особенно стыдно.

Закон позволял в случае привлечения человека к ответственности за тяжкое преступление оформлять с ним развод даже без его согласия и явки в суд. Наличие малолетних детей в этом случае препятствием к разводу не являлось. Ксения немедленно развелась с Олегом, обменяла московскую квартиру на ленинградскую и уехала туда, где никто не знал постыдной истории ее мужа. Олега Личко она вычеркнула из своей жизни, ничего никому о нем не рассказывала, на вопрос об отце ребенка отвечала уклончиво, там, где было можно, о своем замужестве не рассказывала и ограничивалась словами «мать-одиночка», а там, где приходилось показывать свидетельство о рождении сына Андрея, скупно упоминала о неудачном и потому быстро распавшемся браке. В свидетельстве ясно написано: отец – Личко Олег Петрович, мать – Личко Ксения Георгиевна, так что безмужним грехом не прикроешься. Перед тем, как отдавать сына в школу, Ксения весьма «удачно» потеряла свидетельство, поехала в Москву за дубликатом, показала бумажку о смене фамилии и получила новое свидетельство, в котором в графе «отец» стоял многозначительный прочерк, а мать и ребенок фигурировали уже как Кожуховы. Конечно, для этого ей пришлось обратиться к бывшим коллегам мужа-убийцы, в противном случае так легко новый документ с другими фамилиями она бы не получила. Бывшие коллеги ее чувства понимали, проявили дружеское участие и помогли. История маньяка-убийцы Олега Личко на много лет осталась семейной тайной, владели которой все меньшее и меньшее число людей: Ксения рано потеряла родителей, мать умерла, когда Андрюше было семь лет, а через год вслед за ней ушел и отец. С родителями Олега она отношений не поддерживала, не писала им и не звонила, да они и сами ее не искали, видно, понимали, что не нужно, и на встречах с внуком не настаивали. От второго мужа, Константина, Ксения правду скрывать не стала, но на него можно было положиться.

И вот теперь история выплыла наружу благодаря, как это всегда и бывает, нелепой и непредвиденной случайности. Уничтожить свидетельство о разводе Ксения не посмела, все-таки официальный государственный документ, мало ли что... Но ей казалось, что она так надежно его спрятала! Отдать кому-то на хранение она побоялась, ведь это значило бы посвятить в свою тайну еще одного человека. А о банковских ячейках в те времена в нашей стране даже и не слыхивали.

– Значит, я – сын психа ненормального? – дрожащим голосом спросил Андрей.

– Сынок, ты не должен так думать, – торопливо заверила его Ксения Георгиевна. – Ты – мой сын, наш сын, я тебя родила, а Костя помогал тебя растить и воспитывать.

– А это передается по наследству? – упрямо продолжал он.

– Ты – совершенно нормальный, – твердо заявил Константин, – можешь мне поверить, уж я-то в этом разбираюсь. Мы с мамой все эти годы наблюдали за твоим развитием, за твоим характером и темпераментом, и я говорю тебе как профессионал: ты абсолютно здоров психически, в тебе нет ни малейших признаков каких бы то ни было отклонений.

Константин говорил очень уверенно, и Андрей сразу успокоился. Все-таки Костя – психолог, кандидат наук, да и мама педагог с большим стажем. Им можно верить.

Удар, однако, оказался сильнее, чем показалось в первый момент. Одно дело – совсем не знать своего отца и думать, что это просто был легкомысленный и безответственный тип, и совсем другое – знать, что он психически больной убийца. стыдно. Противно. И немного страшно.

Но помог переезд. Заботы, хлопоты, тюки с одеждой, коробки с книгами, бечевка, которая то рвется, то заканчивается, то куда-то исчезает; посуда, которую надо упаковать так, чтобы не побилась, то есть каждую тарелку, каждую чашку и рюмку обернуть газетой; грузчики, которые не приехали вовремя и которые выносят мебель так неаккуратно, что – того и гляди – испортят, поцарапают, искорежат; сумка с предметами первой необходимости – туалетными принадлежностями, тапочками и бельем, которую положили на самый верх, чтобы не искать, и которая куда-то делась и найти ее совершенно невозможно... А потом все упакованное распаковать, все завязанное развязать, все завернутое в газетные листы развернуть, и всему найти место, и постараться не забыть, где теперь все это лежит, потому что шкафы другие и стоят они по-другому, квартира-то больше, и мебели в ней больше. Если бы не переезд, еще неизвестно, как справился бы семнадцатилетний юноша со своим стыдом, отвращением и страхом.

Жизнь вошла в нормальное русло, Андрей закончил школу и поступил в Технологический институт, какое-то время поработал на государственном предприятии, потом друзья соблазнили его работой в частной компании, где его знания и способности оказались весьма востребованными, потом была более серьезная фирма, потом – еще более серьезная и уже в Москве, и вот теперь, в 2004 году, тридцатилетний Андрей Константинович Мусатов должен ехать в США на стажировку, чтобы по возвращении возглавить крупный многомиллионный проект. И совершенно неожиданно в его безоблачную жизнь вмешался биологический отец. Ну и где его искать?

* * *

Тридцать лет назад родители Олега Петровича Личко проживали в поселке Черемисино. Ксения Георгиевна не ошиблась, он действительно находился в Курской области. Поселок – не город, человека найти нетрудно, лишь бы он был, человек этот. Андрей решил пойти самым простым путем и начал поиски с местного отдела милиции, а точнее – с паспортной службы. Запасся коробкой дорогих конфет и бутылкой хорошего виски, ведь никогда не знаешь, на кого попадешь, на женщину или на мужчину.

В ход пошли конфеты.

– Личко? – средних лет дама в блузке с оборочками с любопытством взглянула на Мусатова. – Да, они у нас проживали.

Андрей обратил внимание на то, что дама из паспортной службы ни на секунду не задумалась перед тем, как ответить. Значит, Личко в этом поселке – люди известные.

– Проживали? – переспросил он. – А где они теперь?

– Умерли. Оба. Когда сына посадили, сначала Любовь Васильевна начала болеть, а потом и Петр Александрович стал постепенно сдавать. А вам зачем? Вы что, родственник? На наследство претендуете?

– А есть на что претендовать? – улыбнулся Андрей. – После них остались несметные сокровища?

– Я вас разочарую. Ничего не осталось. Даже дом сгорел. Представляете? Дней через пять после похорон Петра Александровича. Вот и не верь после этого в судьбу!

– Не понял, простите...

– Ну я же говорю: как будто там, наверху, – она неопределенно ткнула пальцем в потолок, – не хотели, чтобы от этой семьи хоть что-то осталось. Сначала сына сажают в психушку,

потом мать умирает, потом сын, потом отец, а потом и дом сгорает. Всё. Никаких следов на земле от этой породы не осталось.

Ну да, подумал Андрей, не осталось. А как же сын Олега Петровича, то есть я? Обо мне что, все забыли? Впрочем, наверное, это и к лучшему. А Личко-то в поселке, судя по всему, не любили... Значит, сын тоже умер.

– Я, собственно, как раз Олега Петровича и разыскиваю. Он когда-то с моим отцом вместе служил, отец попросил узнать, где он, как живет... – начал врать Мусатов.

– Так нечего его разыскивать, умер он, лет двенадцать назад примерно, а то и больше.

– Здесь, в Черемисине?

– Ну что вы, нет, конечно. В психушке. Родителям официальное извещение пришло. Любовь Васильевна-то не дожидая, а Петр Александрович после этого сгорел буквально в считанные месяцы. Он после смерти жены еще не оправился, а тут сын... В общем, врагу не пожелаешь такую судьбу.

– Где Олег Петрович похоронен? Здесь?

– Нет, тело не привозили, это точно. Наверное, там же, в психбольнице. То есть не в самой больнице, конечно, а на местном кладбище. Хотя и это вряд ли.

– Почему же? – удивился Мусатов.

– Да почта у нас знаете как работает? Когда Петру Александровичу извещение пришло, Олег уже два месяца как умер. Кто ж будет два месяца тело держать? Наверное, отдали в морг какого-нибудь медучилища или института, чтобы студентов обучать.

Андрей внутренне поежился. Ничего не осталось от его биологического отца, даже могилы. Но хоть свидетельство-то о смерти осталось?

– Вы не помните, на похороны Петра Александровича родственники приезжали?

– Да какие родственники! – дама махнула рукой и вдруг спохватилась: – А вам зачем? Вы же Олега ищете, а спрашиваете про родственников.

– Да я подумал, может, фотографии какие-нибудь остались, я бы отцу отвез.

– Так сгорело же все, я вам русским языком сказала!

– Но если приезжали родственники, они могли еще до пожара какие-то вещи забрать, альбомы с фотографиями, документы, что-то на память. Понимаете?

Дама задумчиво кивнула.

– Знаете что? Поговорите с Перхуровыми, они через два дома от Личко жили. Я вам сейчас адрес запишу. Личко вообще-то мало с кем общались, гордые были сильно, заносились, но с Перхуровыми дружили.

Еще через два часа Андрей Мусатов уже знал, что родственники на похороны Петра Александровича Личко действительно приезжали, но на следующий день после похорон уехали, и в том, что они не взяли из дома Личко ни одной вещи, ни одной бумажки, супруги Перхуровы могли поклясться.

– Это были очень приличные люди, очень приличные, – несколько раз повторила Перхурова, имея в виду дальних родственников Личко. – Они совершенно не стремились нажиться, разграбить дом, что-то утащить. Они люди состоятельные, им все это не нужно было. Даже дом им не был нужен. Люди городские, жили в Приморском крае, зачем им развалюха за тридевять земель? Они когда уезжали, так и сказали, мол, мы ни на что не претендуем, если объявятся какие-нибудь наследники – пусть забирают дом себе и делают с ним, что хотят. Да и дом-то был – одно название, Любочка много лет болела, да и Петя слабел с каждым годом, а уж когда Любочка умерла, Петя вообще стал никакой. Пока могли – ездили к Олегу в больницу, а это ведь не ближний свет. Сначала его держали в Белых Столбах, под Москвой, а потом перевели в больницу общего типа, в Вологодскую область. В восемьдесят девятом Люба умерла, а в девяностом или девяносто первом пришло сообщение из больницы, что Олег умер.

– В девяносто первом, – суровым голосом уточнил Перхуров, – как раз после путча, в сентябре, я точно помню.

– Ну ладно, тебе виднее, – покладисто согласилась его жена, – значит, в девяносто первом. А потом и Петя ушел. А домом Любочка с Петей совсем не занимались, он ветшал, разваливался, но у них не было ни сил, ни денег приводить его в порядок. Каждую копейку откладывали, чтобы оплатить билеты и купить что-нибудь для сына – одежду, продукты, нянечкам и санитарам сунуть, чтобы не обижали Олега.

– Почему же они не забрали сына домой, когда его выпустили из Белых Столбов? – удивился Андрей. – Неужели он был настолько буйным?

Перхурова тяжело вздохнула и опустила глаза, видно, вопрос показался ей болезненным. Ее муж же, напротив, как-то словно набылчился, налился негодованием.

– Почему не забрали? – начал он, повысив голос. – Так я вам скажу, почему.

– Понимаете, Любочка очень гордая была, – торопливо перебила его Перхурова.

– Не гордая она была, а заносчивая, перед всеми нос задирала, – загремел Перхуров. – Не гордость это, а гордыня.

По яростным взглядам, которые метали друг в друга пожилые супруги, Мусатов понял, что спор этот у них давний и примирения позиций до сих пор не наступило. Ему стало неловко, словно присутствовал при интимной семейной сцене, и он на какой-то момент даже пожалел, что пришел сюда. Ему всего-то и нужен один-единственный документ – свидетельство о смерти Олега Личко, а приходится терять время и выслушивать дебаты чуть ли не на библейские темы. Гордость, гордыня... Да какая разница?

Любовь Васильевна Личко проработала в Черемисине всю жизнь, сначала простым учителем-словесником в местной школе, потом выросла до директора школы. Петр Александрович к тому моменту, когда сын Олег закончил школу, занимал высокий пост в местном исполкоме. Одним словом, семья достойная, уважаемая и вся на виду. Разумеется, Олег закончил школу с золотой медалью, а разве могло быть иначе? Нет-нет, никакого блата, никакого административного давления, Олег с детства был умненьким и трудолюбивым мальчиком, усидчивым, вдумчивым, об этом Ольга Ивановна Перхурова могла судить не с чужих слов, а по собственному опыту, потому как работала в той самой школе, которой руководила Любовь Васильевна, преподавала историю в старших классах. На Олега Личко как на ученика она нарадоваться не могла.

С золотой медалью, отлично усвоенным материалом школьной программы и солидным багажом дополнительных знаний Олег поехал в Москву поступать в Университет на юридический. И поступил. Гордости и радости родителей не было предела! На четвертом курсе он познакомился с хорошей девушкой, студенткой педагогического института, и через год, перед самым дипломом они расписались. И снова Любовь Васильевна радовалась: сын выбрал жену с такой же профессией, как у нее самой. Невестка будет учителем, ну пусть не русского языка и литературы, а английского, сути это не меняет. Все равно сын высоко ценит профессию матери, потому и жену себе выбрал такую же, на маму похожую. На юридическом факультете Олег тоже учился лучше всех, получал повышенную стипендию, специализацию прошел по кафедре криминалистики, активно участвовал в работе студенческого научного общества, выступал на всех конференциях, и было вполне естественным, что при распределении ему предложили остаться в аспирантуре. Но от аспирантуры юноша отказался. Тогда перед ним как перед лучшим выпускником курса положили список мест, куда должны были направляться на работу молодые юристы, и Олег без колебаний выбрал Главное управление внутренних дел Москвы, в народе более известное как «Петровка, 38»

И снова Любовь Васильевна расцвела от очередного приступа гордости за сына и за себя саму: ее мальчик, скромный молодой человек из скромного райцентра, – и на самой Петровке служит. Это ж помыслить невозможно! Это почти как в космос слетать, по тем-то временам.

Петровка, олицетворение честности, мужества, высочайшего профессионализма, Петровка, о которой написано столько замечательных книг, и в этих книгах каждый герой – образец для подражания. Юлиан Семенов, Аркадий Адамов, братья Вайнеры – да все, все самые лучшие советские писатели посвящают свои произведения именно им, офицерам милиции, работающим на Петровке, 38. А фильмы! Сколько прекрасных фильмов снято об их самоотверженной и опасной работе!

– А уж когда Олег сообщил, что поступил в эту, как ее... ну что-то вроде аспирантуры, только для военных...

– В адъюнктуру, – хмуро подсказал Перхуров.

– Ну да, наверное, – кивнула Ольга Ивановна Перхурова. – Он поступил на заочное отделение, чтобы от работы не отрываться. Любочка была уверена, что он быстро напишет диссертацию, потому что Олег очень способный, у него голова светлая, и учиться он умеет и любит. И вдруг такое случилось... Ужас! Представляете, что было с Любой? Ведь весь город узнал о том, что Олег – убийца-маньяк, у нас ничего скрыть невозможно. У Любочки случился тяжелейший инфаркт, она так окончательно после него и не восстановилась. Ну как, как она могла привезти Олега сюда? Ей и без того до самой смерти казалось, что на нее все пальцем показывают и за спиной хихикают и гадости говорят. Конечно, Петю сразу же с работы сняли, мол, человек, не сумевший воспитать собственного сына, не может руководить людьми в исполкоме. Спасибо, хоть из партии не исключили, но собирались, это я точно знаю. Я в те годы была членом бюро райкома. У Пети после снятия с должности – инсульт. В общем, оба стали инвалидами, жили на пенсию, работать здоровье не позволяло...

– И гордыня, – снова встрял Перхуров. – Они стали от людей прятаться, стыдно им было, что сына своего восхваляли на всех углах и всем в пример ставили. Вот только с нами и поддерживали отношения. Я им сколько раз говорил: переезжайте в другое место, где вас никто не знает, и заберите сына туда, все-таки вместе будете.

«Моя мама как раз так и поступила», – подумал Андрей.

– Они болели очень, – вступилась за покойных друзей Ольга Ивановна. – И потом, легко сказать: переезжайте. Это если бы они были полны сил и могли работать, то нашли бы работу в другом городе, а так – пенсионеры, да еще с инвалидностью, кому они были нужны, чтобы им жилплощадь предоставлять? Тогда другие времена были, не то, что сейчас. Тогда нужно было найти обмен, а кто стал бы с ними меняться, когда дом мало того что в захолустье, так еще и разваливается? Они ж с семьдесят пятого года, как Олежку посадили, так и начали болеть, ни одного гвоздя в доме не прибили, ни одной досточки не поправили.

– Скажи уж проще: отказались они от сына, вот что, – припечатал Перхуров. – Столько лет на самой вершине были, почет им и уважение, все кланяются, все здороваются, с праздниками чуть не весь город поздравлял, а тут из-за Олега все рухнуло. До самой смерти они ему этого не простили. Потому и не взяли к себе, когда стало можно. Навещать – навещали, а забирать не стали. Петя бы забрал, он добрее был, а Люба даже слышать не хотела. Вот так. Когда Люба умерла, Петр Александрович слег, но со временем все чаще заговаривал о том, что вот чуть-чуть окрепнет, сил наберется и поедет в больницу Олега забирать, он и письмо тамошнему главврачу написал, тот ему ответил, что Олега можно выписать на домашний уход, он спокойный, не буйный. Но не успел Петя. Пришло сообщение о смерти сына. А после этого он и сам недолго протянул.

Н-да, печальная история... Петя и Любочка. Его дедушка и бабушка. Мусатов внимательно слушал рассказы супругов Перхуровых и то и дело ловил себя на том, что пытается осознать: речь идет о его кровных родственниках, о бабушке, дедушке и отце. И если бы все сложилось иначе, если бы мама так и оставалась женой Олега Петровича Личко, то его, маленького Андрюшу, привозили бы сюда каждое лето, и он, наверное, бегал бы как раз по этой вот немощенной улице, которая видна из окна, и лазил бы вместе с местными мальчишками через вот

этот забор, чтобы воровать яблоки из сада Перхуровых или объедать смородиновые кусты... Он пытался придумать свое несостоявшееся детство и понимал, что ничего не чувствует. Ни сожалений, ни грусти, ни даже сочувствия к Любове Васильевне и Петру Александровичу. Они – чужие. Он никогда их не знал. Впрочем... Мама же говорила, что его совсем крохой привозили сюда. Но что он мог тогда понимать? И тем более помнить.

– Значит, ничего не сохранилось, ни документов, ни фотографий? – безнадежно спросил Андрей.

– Ничего. Все сгорело. Я думаю, это мальчишки набезобразничали, – авторитетно заявил Перхуров. – Все знали, что хозяин умер, дом стоит пустой, ну вот они и забрались туда. Знаете, как это бывает? Пиво, дешевое вино, сигареты. Может, окурочек бросили непотушенный, а может и подожгли из хулиганства.

Может, может... Какая разница, из-за чего сгорел дом, важно то, что свидетельства о смерти Олега Петровича Личко теперь нет. А его надо раздобыть во что бы то ни стало.

* * *

В Вологодскую область Андрей смог поехать только через неделю. Психиатрическую больницу он нашел на удивление легко, супруги Перхуровы, хоть и не знали ее точного адреса, но, обладая хорошей памятью, вспомнили все, что их соседи Личко о своих поездках и этой больнице рассказывали, и Андрей ехал, вооруженный яркими ориентирами: названиями станций, указаниями на промышленные предприятия и прочими важными сведениями, которые, конечно, могли за полтора десятка лет значительно устареть. С предприятиями именно это и произошло, а вот названия станций и географические ориентиры сохранились, и это здорово помогло.

Свидетельствами о смерти ведал ЗАГС, куда Андрей и направился в первую очередь, но там его ждало разочарование: никаких архивов не сохранилось, в девяносто девятом году произошло перерайонирование, местные административные органы сливались, разливались, ликвидировались и вновь создавались, и после всей этой суеты найти ничего просто невозможно. Компьютерной базы, соответственно, и не было, ее начали создавать только два года назад.

– Вы сходите в больницу, пусть они поднимут свои архивы, – посоветовали Андрею, – они дадут вам новую справку о смерти, а мы на ее основании выпишем повторное свидетельство.

Больница показалась ему не просто страшной – жуткой. Деревянное трехэтажное покосившееся здание, насквозь пропитанное запахами отчаяния, лекарств и тушеной кислой капусты. На колченогих лавочках сидят, греясь под первым слабым весенним солнышком, люди со странными лицами и неестественно окаменевшими спинами. А глаза у этих людей такие, словно они или совсем ничего в этом мире не понимают, или, наоборот, знают о нем что-то такое, что другим знать не дано.

Кабинет главврача находился на втором этаже. На белой двери с давно облупившейся краской висела табличка: «Главный врач Юркунс Л.Я.» Андрей достал из портфеля сложенные в пластиковый файл документы – свидетельство о разводе матери с Олегом Петровичем Личко, свой паспорт и прочие бумаги, из которых было видно, когда и почему изменялась его фамилия, – и решительно вошел в кабинет, порадовавшись про себя, что никаких приемных со строгими секретаршами здесь не было.

Едва переступив порог, Андрей наткнулся на острый взгляд ярких светлых глаз, которые оказались почему-то очень близко. В следующий момент он сообразил, что кабинет главного врача был таким маленьким, что каждый входящий, не успев сделать и полшага, оказывался перед столом, за которым сидел пожилой мужчина в ослепительно белом халате.

Мусатов, привыкший к просторным и хорошо обставленным офисам, до того растерялся, что вместо заготовленных фраз промямлил:

– Ой, здрасьте...

– Добрый день. Вы ко мне?

– Если вы главный врач – то к вам. Можно?

– Можно. Да вы присядьте, – хозяин кабинета указал на стул, в который Андрей уже уперся коленями. – Слушаю вас.

Осторожно развернувшись, чтобы ничего не разгромить и не уронить в этой немыслимой тесноте, Мусатов присел на стул и тут же почувствовал, как тот угрожающе зашатался.

– Моя фамилия Мусатов, – представился он.

– А имя?

– Андрей Константинович.

– Лев Яковлевич, – ответно представился главврач. – Так я вас внимательно слушаю, Андрей Константинович. Какие у вас проблемы?

– В вашей больнице находился на излечении Олег Петрович Личко, здесь же он и скончался много лет назад, в девяносто первом году. К сожалению, свидетельство о его смерти утеряно. Я уже был в ЗАГСе, меня отправили к вам за справкой, на основании которой мне выпишут повторное свидетельство. Что мне нужно сделать, чтобы получить дубликат справки о смерти?

Андрею показалось, что при упоминании фамилии Личко что-то неуловимо изменилось в лице доктора Юркунса. Или только показалось?

– Только одно: вы должны доказать, что имеете право на получение этого документа. После этого дубликат вам выпишут в течение получаса. Архив сегодня открыт, так что сложностей не будет. Итак?

Андрей молча протянул главврачу папку с заготовленными документами. Лев Яковлевич читал каждую бумажку так долго, словно текст был написан по меньшей мере иероглифами. Наконец он поднял голову и выстрелил в Андрея ярким залпом из своих светлых пронзительных глаз.

– Правильно ли я понял из представленных документов, что вы являетесь сыном Олега Петровича Личко?

– Да, правильно.

– И судя по тому, что ни вы, ни ваша матушка сюда никогда не приезжали...

– Да, верно. До семнадцати лет я вообще не знал, что мой родной, или как теперь принято говорить, биологический отец находится в психиатрической больнице.

– Позвольте полюбопытствовать, а что вы о нем думали? Где он, по-вашему, находился? Вам рассказывали, что он легчик-испытатель и героически погиб при выполнении государственного задания?

Ну вот, со скукой подумал Мусатов, сейчас начнется лекция о том, что не знает только тот, кто не хочет знать, и как нехорошо бросать больного отца и ни разу его не навестить.

– Мне говорили, что я рожден вне законного брака и никаких сведений о моем отце мама не имеет. До определенного момента мама даже имени его не называла. То есть до девяти лет у меня было отчество «Олегович», но фамилии отца я не знал, потом меня официально усыновили и я стал «Константиновичем».

– И когда же, позвольте узнать, наступил этот «определенный момент»?

– Когда мне было семнадцать лет. Я случайно нашел свидетельство о разводе матери с Олегом Петровичем Личко. Послушайте, Лев Яковлевич, я догадываюсь, что вы собираетесь мне сказать. С тех пор прошло тринадцать лет, Олег Петрович Личко, возможно, был еще жив, когда я узнал о его существовании, но я не пытался его увидеть, навестить в больнице...

– Голубчик вы мой, Андрей Константинович, – рассмеялся Юркунс, – да вы посмотрите на меня! Вы видите, сколько мне лет? Если не видите, то я вам сам скажу: семьдесят восемь. В этом году исполняется ровно пятьдесят пять лет, как я в психиатрии. Неужели вы думаете,

что мне нужно объяснять подобные вещи? Да ни боже мой! Быть сыном человека, которому выставлен серьезный диагноз из нашей сферы – мало приятного, а уж быть сыном убийцы – и того хуже. Тем более вы этого маньяка-убийцу не помните, вы ведь были совсем крохой, когда он исчез из вашей жизни. Он вас не растил, не воспитывал, не водил вас в зоопарк и не брал с собой на рыбалку, не делал вместе с вами ваш первый скворечник и не ругал за первую «двойку» по поведению. Я все это прекрасно понимаю, и у меня и в мыслях не было читать вам мораль. У меня к вам только два вопроса. Вы позволите?

– Конечно, – кивнул Андрей, расслабившись.

Ну вот, лекция на морально-этические темы отменяется, уже хорошо. И этот Лев Яковлевич Юркунс, судя по всему, не сомневается в том, что Андрей Мусатов – сын Олега Петровича Личко и имеет полное право на получение дубликата свидетельства о смерти. Тоже хорошо. Архив сегодня открыт, и это просто прекрасно. Можно считать, что сегодня ему, Андрею Мусатову, повезло, а потому вполне можно ответить на любые вопросы главврача, даже если их будет не два, а больше.

– Вопрос первый: зачем вам свидетельство о смерти? Возникли вопросы с наследством?

– Да бог с вами! – Андрей искренне расхохотался. – Я оформляю визу в США, меня посылают на пять месяцев на стажировку...

– Все-все-все, можете не продолжать, – замахал руками Юркунс. – Вся эта кухня мне прекрасно известна. Множество моих коллег выезжало в Штаты как по частным приглашениям, так и по деловым, и каждый раз начиналась эта безумная морока. От одного из них потребовали свидетельство о разводе с первой женой, с которой он к тому времени уже лет двадцать не жил и находился в четвертом браке. Они чего только не придумают, лишь бы визу не дать, все боятся, что население нашей страны поголовно может эмигрировать в их американский рай. А вы дважды меняли фамилию, так что кажетесь им подозрительным. Тогда мой второй вопрос: как вы пережили тот факт, что ваш отец оказался убийцей-шизофреником?

– Тяжело, – признался Андрей. – Хорошо, что мы в тот момент переезжали на новую квартиру, это здорово отвлекло, да и мама с Костей все время были рядом. Но все равно было тяжело.

– Вы очень страдали?

– Я? – Андрей задумался. – Нет, если честно, то не очень. Я, правда, не знаю, что такое «очень страдать». Мне долгое время казалось, что я какой-то грязный, мама даже обратила внимание, что я стал по три раза в день мыться в душе и торчал в ванной подолгу. Знаете, какое-то странное ощущение грязи на коже, как будто я родился в клоаке и за все эти годы так и не отмылся. Но потом это прошло.

– Это, голубчик мой Андрей Константинович, как раз и называется «очень страдать». У вас начинался невроз. Хорошо, что рядом с вами оказались ваши близкие, которые не допустили до беды. Чем занимается ваша матушка?

– Педагог, преподает в школе английский язык и литературу. Теперь, правда, это уже гимназия.

– А ваш приемный отец?

– Психолог, кандидат наук.

– Ну вот видите, вам просто повезло, что рядом с вами в трудный момент оказались опытные профессионалы, педагог и психолог. Если бы не они, мы бы с вами сейчас вряд ли разговаривали бы.

– Почему? – удивился Мусатов.

– Да потому, что не было бы никакой стажировки в США. Вы просто не сделали бы такую карьеру. Неврозы, голубчик вы мой, штука очень коварная и опасная. Нажить легко, избавиться потом невозможно. Можно приглушить, притушить, добиться стойкой ремиссии, а он в самый неожиданный момент поднимет голову и напакостит. Вы надолго в наши края?

– Да нет, – пожал плечами Андрей, – как только получу свидетельство – сразу назад. А что?

– Мне нужно с вами поговорить, и очень серьезно. Вы могли бы задержаться здесь до завтра?

Время у Мусатова было, он ведь не предполагал, что так легко найдет нужную больницу, и начальство на работе отпустило его на несколько дней. Но зачем ему задерживаться в этой жуткой дыре?

– В принципе, мог бы, – неуверенно ответил он. – Но...

– Я сейчас дам команду, чтобы в архиве подняли документы и выписали вам справку, на основании этой справки ЗАГС даст вам новое свидетельство. Сегодня вы в ЗАГС все равно уже не успеете. Я предлагаю вам переночевать у меня, а завтра вы закончите все свои дела и спокойно уедете.

Перспектива провести ночь у доктора Юркунса показалась Андрею не самой приятной, но ведь гостиница в этой дыре если и есть, то такая, что «мама, не горюй». А может, ее и вовсе нет.

– Здесь есть гостиница? – на всякий случай спросил он.

– Есть, – улыбнулся Лев Яковлевич, – но даже мое скромное жилище на три порядка лучше. И не беспокойтесь, вы меня никоим образом не стесните, я живу один, а места у меня более чем достаточно.

На том и порешили.

* * *

Лев Яковлевич Юркунс росточка был совсем небольшого, и когда Андрей это увидел, то страшно удивился, потому что, восседая за рабочим столом в служебном кабинете, доктор производил впечатление человека массивного и крупного. Наверное, играла свою роль спокойная доброжелательность, несуетливость и уверенность, с которой держался пожилой психиатр. Дома же у себя, в небольшой трехкомнатной квартирке, расположенной на четвертом этаже блочной пятиэтажки, он смотрелся маленьким старичком, сухоньким, но живым, энергичным и веселым.

– Располагайтесь, голубчик, – гостеприимно улыбался он, проводя Андрея по всем комнатам. Вот здесь сплю я, а вы можете выбирать между кабинетом и гостиной, в обеих комнатах, как видите, есть большие диваны, они раскладываются, очень удобные. У меня много гостевых мест. Если хотите мой совет, то выбирайте диван в кабинете.

– Почему?

– Вы, голубчик, курите, и курите много. Ужинать и беседовать мы с вами будем в гостиной, зачем же вам потом спать в прокуренном помещении? На улице пока еще очень холодно, так что посидеть с открытыми окнами нам с вами не удастся.

Андрею не терпелось узнать, о чем же хотел поговорить с ним Лев Яковлевич, но Юркунс категорически отказался беседовать «о серьезном» до ужина. Ужин был поистине холостяцким и состоял из отварного картофеля и сосисок, но и того, и другого было много, так что голодным Андрей не остался. Он пытался внести свою лепту в организацию трапезы и все порывался зайти в магазин и купить каких-нибудь продуктов, но Лев Яковлевич запретил ему даже думать об этом.

– В нашем магазине все просроченное или поддельное, эдак и отравиться недолго. Единственное, что можно покупать без опаски, это сосиски, они вполне приличные и наверняка не просроченные, потому что их каждый день привозят и в течение двух часов раскупают, но сосисками у меня и без того холодильник забит, я в основном ими питаюсь.

– Что же вы едите, если магазинные продукты не покупаете? – удивился Андрей.

– Ну как что? Картофель, капусту, свеклу и прочие овощи, это подделать нельзя. Хлеб, само собой, и всякую бакалею, она хоть и низкого качества, потому что поддельная, но отравиться ею невозможно. Иногда езжу в Вологду, запасаясь консервами, иногда на рынке мясо покупаю. Да много ли мне, старику, надо?

К предусмотрительно захваченной Андреем из Москвы бутылке коньяку Лев Яковлевич отнесся вполне благосклонно, однако, накрывая стол к ужину, рюмки не поставил.

– А коньячок потом, – пояснил он, – под разговор. Картошка и сосиски с коньяком – это моветон, голубчик.

«Да что же это за разговор такой таинственный!» – недоумевал Мусатов, поглощая безвкусные ватные сосиски и сладковатый замороженный картофель. Наверное, ничего особенного доктор Юркунс ему не скажет, просто старику скучно и одиноко, и он воспользовался случаем, чтобы залучить к себе гостя и скоротать вечерок. Ну да ладно, какая, в сущности, разница, все равно ведь ночевать пришлось бы, в ЗАГС Андрей действительно в тот день уже не успевал.

Наконец, дело дошло и до коньяка.

– Скажите, голубчик, – начал неторопливо Лев Яковлевич, – как вы считаете, может опытный врач отличить леченого больного от залеченного здорового?

Вопрос показался Андрею странным и несколько не по адресу.

– Я же ничего в этом не понимаю, Лев Яковлевич, я не врач. А в чем смысл?

– Смысл, голубчик вы мой, в том, что я-то как раз врач, и с большим, позволю себе заметить, опытом. Пятьдесят пять лет в психиатрических лечебницах кое-что да значат. Ваша матушка еще на свет не появилась, а я уже лечил больных. И поверьте мне, я могу отличить больного, которого подвергали лечению, от изначально здорового человека, которого просто-напросто залечили.

Ну вот, как и следовало ожидать, сейчас пойдут разговоры о разных случаях из практики психиатра. Слушать это Андрею было совершенно не интересно, но куда ж деваться.

– Так вот, хочу вам сказать, Андрей Константинович, что ваш батюшка Олег Петрович Личко никакой шизофренией не страдал. Он был абсолютно здоровым человеком. Конечно, галоперидол, аминазин и прочие штучки из кого угодно могут сделать растение, но у меня достаточно опыта, чтобы в конце концов определить, чем было это растение раньше, чертополохом, с которого в процессе лечения ободрали колючки, или чем-то совсем иным. Вы меня понимаете?

– Нет, – честно признался Андрей. – Вы хотите сказать, что Олегу Петровичу поставили ошибочный диагноз? Что он был не маньяком-убийцей, а убийцей обыкновенным? И что его место было не в психушке, а в тюрьме?

Юркунс сделал крохотный глоточек коньяку, осторожно поставил рюмку на стол и окинул Андрея долгим взглядом своих светлых ярких глаз.

– Олег Петрович не был ни маньяком, ни убийцей. Вот что я хочу вам сказать. Когда его перевели в нашу больницу из Белых Столбов, он был в очень плохом состоянии. Есть такая формулировка: в связи с утратой общественной опасности. В Столбах сочли, что он уже не опасен, то есть утратил активность, интерес к жизни, и его можно переводить в больницу общего типа. В целом они не ошиблись, Олег Петрович действительно утратил активность в том смысле, что не рвался кричать на всех углах о своей невинности, у него на это просто уже не было сил. Но он до самого последнего дня пытался разобраться, что же все-таки произошло и почему его осудили за то, чего он не совершал. Ему было трудно сосредоточиться, он начинал размышлять и очень скоро сбивался, забывал ход собственных рассуждений. У него в результате псевдолечения серьезно нарушилась память, то есть он достаточно хорошо помнил события давние, но придумав какое-то логическое построение, уже через десять минут забывал его и совершенно терялся. Я посоветовал ему вести записи. Он так и сделал, записывал

свои мысли, воспоминания, потом терял листки или рвал их и выбрасывал, потому что приходил в отчаяние от того, что ничего не получалось. Я приносил ему новую тетрадь, он снова записывал, и снова вырывал листы и выбрасывал.

– Погодите, – голова у Андрея шла кругом, и он вдруг подумал, что даже если у него, здорового мужика, мысли в стрессовой ситуации разбредаются в разные стороны, то каково же было тому, кого долгие годы закалывали прихотропными препаратами, – погодите, Лев Яковлевич, я ничего не понимаю. Откуда вы можете быть уверены, что Олег Петрович не совершал тех преступлений, за которые его привлекали к ответственности? Да, я верю, что вы как опытный врач смогли понять, что он изначально был здоров, я это допускаю. Но как вы можете точно знать, что он невиновен?

– Хороший вопрос, – Юркунс улыбнулся краешком тонких губ. – Если он виновен, но при этом психически здоров, то почему он оказался на принудительном лечении, а не в колонии?

– Он мог симулировать, чтобы уйти от ответственности.

– Ну конечно, и при этом каждый день заявлять, что он здоров. Что ж это за симуляция такая? Ему поставили диагноз шизофрении, а когда он попал ко мне, я не увидел ни одного симптома, ни единого признака этого заболевания. А шизофрения, голубчик мой Андрей Константинович, не излечивается, это вам не алкоголизм какой-нибудь. Вы мне скажете, что у Олега Петровича была стойкая ремиссия, поэтому я не обнаружил признаков заболевания, а я вам отвечу, что я как врач гроша ломаного не стоил бы, если бы не умел отличать больных в ремиссии от здоровых. Я очень много занимался вашим батюшкой с самого начала... Впрочем, простите, я вижу, вам неприятно, когда я называю Олега Петровича вашим отцом. Хорошо, я буду называть его по имени-отчеству.

– Спасибо, – пробормотал Андрей, которому и впрямь слова «ваш батюшка» резали ухо. – Вы всеми своими больными так внимательно занимаетесь?

– Разумеется, нет. И далеко не обо всех я так долго храню в памяти различные подробности. Кстати, и Олегом Петровичем я не должен был заниматься, для этого есть палатные врачи. Но меня привлекла его фамилия.

– Это почему же?

– Ну, вы-то не знаете, а вот любой психиатр скажет вам, что Личко – это имя в нашей науке весьма известное. У нас есть классификация «по Личко», определения «по Личко», в общем, в психиатрии это классика. И мне стало любопытно взглянуть на больного, носящего такую же фамилию. Олег Петрович, что называется, «зацепил» меня с первой же беседы, я некоторое время наблюдал его сам, а потом отменил все назначения, оставил только общеукрепляющие препараты, витамины, стимуляторы мозгового кровообращения... Впрочем, вам эти детали ни к чему. Я как врач понимал, что после лечения в Белых Столбах он уже не восстановится полностью, но надеялся, что смогу хоть чем-то помочь ему. Вы еще очень молоды, голубчик, вы не знаете, какой была жизнь в середине восьмидесятых, когда Олег Петрович попал в нашу больницу, и по каким правилам тогда играли. Я не мог ни опротестовать диагноз, ни изменить его. Я не смел. Мне хотелось продолжать работать и, если угодно, жить. Диагноз Олегу Петровичу поставили в институте судебной психиатрии, а вы знаете, что это такое? Конечно, вы не знаете, откуда вам знать! Если бы я посмел поставить под сомнение их диагноз, меня постигла бы примерно такая же участь, как и Олега Петровича. В институте судебной психиатрии в те годы ставили диагнозы всем диссидентам и прочим неугодным лицам, которым нужно было заткнуть рот. Там работали блестящие ученые, превосходные диагносты, там была мощнейшая научная база, но что они могли сделать, когда поступал звонок сверху? Ничего! Им приказывали – и они ставили диагноз, потому что наша тогдашняя власть сделала психиатрию своим подручным карательным средством. И все оказались заложниками: и больные, и здоровые, и сами врачи. Вы знаете, что произошло с человеком, который стрелял в Горбачева?

– Нет, – удивленно протянул Андрей. – Я и случая такого не помню. А что, в Горбачева стреляли?

– Боже мой, голубчик мой, как же вы молоды! – весело воскликнул Юркунс и почему-то рассмеялся. – Как многого вы не знаете из нашей прошлой жизни! Так вот, в Горбачева стреляли прямо-таки на Красной площади, во время демонстрации, из толпы. Стрелка вовремя обезвредили, он только-только успел оружие достать и прицелиться. И знаете, что сделал Горбачев? Он сказал, что не хочет, чтобы этот человек сидел в тюрьме, и если его нужно наказать, то пусть его сделают психически больным. Сказано – сделано, команда свыше – это приказ. В два счета соорудили диагноз, и человек пять лет пробыл в заведении по моему профилю. Правда, лечили его не так исступленно, как Олега Петровича, все-таки времена были уже другие, и тот стрелок вышел из больницы почти совсем сохранным.

– Но кому был неугоден Олег Петрович? Он был обыкновенным милиционером, оперативником, к тому же совсем молодым... – растерянно произнес Андрей. – Если бы он был диссидентом, мама знала бы об этом, а она искренне считает его убийцей. Тогда что же?

– Вот именно, голубчик, – Лев Яковлевич налил себе еще коньяку и принялся потягивать мелкими глоточками. – Тогда что же? Кстати, Олег Петрович действительно не был диссидентом, потому что даже в самые ясные часы и минуты никаких подобного рода рассуждений или высказываний я от него не слышал. Значит, было что-то другое.

– Но что же, что? За что можно запереть в психушку молодого милиционера и залечить его до состояния растения? У него были какие-нибудь предположения? Ну хоть какие-нибудь? Вы ведь сами сказали, что много общались с ним, он должен был вам сказать, если бы что-то подозревал.

– В том-то и дело, что он ничего не подозревал. И потом, как вы себе представляете наше с ним общение? Долгие вечерние беседы в тихом кабинете за чашкой чая, как у нас с вами сейчас?

Честно признаться, Андрей почему-то именно так и думал.

– У главврача масса забот, должен вам заметить. Это только малосведущие люди думают, что главный врач – это именно главный врач, то есть врач всем врачам, самый лучший специалист в данной больнице. Может быть, так оно и есть, да только функция главврача не в том состоит, чтобы лучше всех ставить диагнозы и лечить, а в том, чтобы обеспечить жизнедеятельность вверенной ему больницы. Чтобы крыша не протекала, чтобы санузлы не засорились, чтобы лекарства были в наличии и в потребном ассортименте, чтобы вакансии врачей, сестер, санитаров и нянечек не пустовали, чтобы продукты вовремя привозили, чтобы у пожарной инспекции и санэпидстанции не было претензий, чтобы прачечная работала, как надо... всего и не перечислишь. И после рабочего дня, наполненного всеми этими хлопотами, как-то не хочется и минуты лишней оставаться в кабинете. Хочется прийти домой, раздеться, поужинать и взять в руки умную книжку. Ни с кем не разговаривать. Хочется тишины и молчания. Поэтому разговоры мои с Олегом Петровичем имели место в основном днем, чаще всего – во дворе, если он сидел на лавочке и дышал воздухом, а я пробегал мимо и у меня были свободные десять-пятнадцать минут. У него в руках всегда была тетрадка, в которую он пытался записывать свои мысли, воспоминания и рассуждения, и если у меня было время, я просил показать пару страниц. Должен вам сказать, голубчик, что даже в письменном виде это было довольно бессвязно, но две вещи повторялись постоянно, и я их запомнил. Вам интересно?

«Нет, – хотел было ответить Андрей. – Мне совершенно не интересно, что там писал в своих тетрадках этот псих. Мне нужна справка, на основании которой мне выдадут свидетельство о смерти, свидетельство я отнесу в посольство США и получу визу, чтобы уехать на пять месяцев на стажировку. Всё. Больше мне ничего не нужно и не интересно. Даже если Олег Петрович не был сумасшедшим, даже, в конце концов, если он и убийцей не был, то какое это теперь имеет значение? Для меня, во всяком случае, – никакого. Я не Андрей Олегович

Личко, я – Андрей Константинович Мусатов, и мне нет дела до бессвязной писанины несчастного милиционера, которого во времена советской власти запихнули в психушку и залечили до полного разрушения личности. Нет мне никакого дела, нет, нет!!!»

Но вместо этого он почему-то ответил:

– Конечно, интересно, Лев Яковлевич.

Но обмануть доктора Юркунса оказалось не так-то просто. Он, казалось, прочел невысказанные мысли Андрея, потому что недобро усмехнулся.

– Не уверен, голубчик. Мне кажется, вы лукавите. Трагическая история Олега Петровича, похоже, оставила вас равнодушным. Но я все равно расскажу вам то, что собирался, даже если вам это не нужно и не интересно. Как знать, возможно, ваше отношение к этой истории со временем изменится, и тогда то, что я вам расскажу, может оказаться полезным. Так вот, в писаниях Олега Петровича постоянно повторялись две фразы. Первая: «Если бы знать, почему Лена так поступила». Или, как вариант: «Не понимаю, зачем Лена это сделала. Мне кажется, если я это пойму, то пойму и все остальное.» И вторая фраза: «Все дело в Группе. Мне кажется, это единственное объяснение. « Причем слово «Группа» во всех случаях было написано с заглавной буквы. Ну вот, кажется, и все. Больше мне нечего вам сообщить, Андрей Константинович. А вы, голубчик? Ничего спросить не хотите?

На этот раз ответ «Не хочу» даже не пришел Андрею в голову. Ему стало интересно, как интересно бывает дочитать до конца детективный роман, чтобы узнать, кто же все-таки преступник, хотя ни один из персонажей не вызывает ни малейшего человеческого интереса.

– А кто такая Лена? И что это за группа с заглавной буквы? Вы что-нибудь об этом знаете? – спросил он.

– Насчет группы – ничего, – развел руками Лев Яковлевич. – А вот что касается Лены – тут у меня есть кое-какие соображения. Вы, конечно, не знаете, но я вам скажу: когда человека направляют на принудительное лечение в психиатрическую больницу, вместе с медицинской картой обязательно прикладывают копию судебного решения.

– Ну, это понятно, – пожал плечами Мусатов. – Должен же быть документ, на основании которого человека помещают в больницу. Почему вы думаете, что я этого не знаю?

– А вы знаете, как выглядит это решение? – хитро прищурился Юркунс.

– Ну как... Обычно выглядит. Бумажка, официальный бланк с реквизитами, все такое.

– Ой, Боже мой, – старый доктор снова расхохотался, – как же вы молоды, голубчик, как же вы молоды! Неужели вы всерьез полагаете, что тридцать лет назад жизнь была такой же, как сейчас? Какие бланки? Какие реквизиты? Бог с вами, окститесь! Вы хоть примерно представляете себе принципы ведения делопроизводства в те времена, когда не было компьютеров, а ксероксы были большой редкостью и все до единого стояли на учете в КГБ, и для того, чтобы сделать копию одной-единственной никому не нужной бумажки, нужно было получить сто пятьдесят разрешительных и согласовательных подписей?

– Я не понимаю, к чему все это, – сердито буркнул Андрей, которого бесконечные упоминания о его молодости и неопытности уже стали раздражать.

Лев Яковлевич плеснул немного коньяку в опустевшую рюмку и стал задумчиво крутить ее за толстую короткую ножку.

– Не сердитесь на меня, – внезапно улыбнулся он, – я так часто говорю о вашей молодости не потому, что хочу как-то поддеть или уколоть, а только лишь для того, чтобы вы перестали, наконец, равнять прошлое с настоящим. Это разные эпохи, принципиально разные, и никакие аналогии тут не проходят. Чтобы что-то понять в той жизни, недостаточно обладать острым аналитическим умом. Нужно знать. В частности, нужно знать, что если подсудимый признается виновным и вменяемым, суд выносит ему приговор, а если виновным, но невменяемым, как это было в случае в Олегом Петровичем, выносится судебное решение. Названия-то разные, и это юридически оправдано, все-таки в одном случае человек признается преступни-

ком, а то, что он сотворил – преступлением, а в другом случае человек признается психически больным, а то, что он сделал, называется общественно опасным действием невменяемого, но суть одна, и выглядят эти документы совершенно одинаково. И в том и в другом содержится полное описание содеянного и излагаются доказательства, в том числе и показания свидетелей, называются имена этих свидетелей. Просто в самом конце, в так называемой резолютивной части документа, в одном случае пишется: «суд приговорил», а в другом – «суд решил», вот и вся разница.

– Ну и что? – недоумевал Андрей. – Какое это имеет отношение к нашему делу?

– О, вот вы уже и сказали: к нашему делу. Это прогресс. Так вот, копий приговоров и решений всегда нужно много, экземпляров десять-двенадцать, чтобы хватило для всех инстанций и заинтересованных лиц. А печатные машинки, даже самые лучшие, электрические, на обычной бумаге пробивали максимум пять экземпляров, из которых только первые три были хорошо читаемыми, а два последних – почти «слепыми». Поэтому все приговоры и решения печатались на папиросной бумаге. Первый экземпляр, как и положено, делали на хорошей бумаге, а все остальные – на папиросной. Не знали?

– Не знал, – улыбнулся Андрей. – Мне это и в голову не приходило. Вы хотите сказать, что у Олега Петровича был на руках приговор?

– Решение, – строго поправил его Юркунс. – Судебное решение. Да, этот документ у него был. И еще один экземпляр был приложен к его медкарте, чтобы врач в любой момент мог ознакомиться. Экземпляр Олега Петровича, разумеется, не сохранился, его личные вещи после смерти были уничтожены, поскольку их никто не востребовал. А вот экземпляр, приложенный к карте, сохранился. И я позволил себе принести его сюда, специально для вас.

– Зачем? – поморщился Андрей.

Ему совсем не хотелось читать подробные описания кровавых злодеяний человека, который стал его биологическим отцом. Стоп! Но ведь Лев Яковлевич уверяет, что никаких злодеяний не было... То есть они были, но совершил их вовсе не Олег Личко.

– А вы почитайте, вам будет любопытно.

– Я не хочу читать об убийствах детей, – резко ответил Мусатов, – независимо от того, кто на самом деле их совершил. Я – человек с нормальной психикой, я не могу получать удовольствие от такой, с позволения сказать, литературы.

– А вы про убийства и не читайте. Вы обратите внимание на доказательственную базу. Все обвинения Олега Петровича было построено на свидетельских показаниях одной молодой женщины, которая утверждала, что видела Личко рядом с детским садиком, из которого впоследствии пропал ребенок, и Личко якобы что-то там долго высматривал и даже задавал этой свидетельнице вопросы о порядках в том садике, о воспитателях, о времени прогулок и так далее. Почитайте, почитайте. Она там много чего интересного рассказывала про Личко.

– Зачем мне это читать? – тупо упирался Андрей.

Он не хотел. Он не просто не хотел вникать в эту историю, но не хотел читать описание страшных преступлений, он не хотел даже брать в руки бумагу, на которой все это написано. Он не хотел приближаться к Олегу Петровичу Личко, он не хотел сокращать дистанцию между собой и этих чужим, неизвестным человеком.

– А затем, что там указано имя этой свидетельницы.

Юркунс протянул руку к висящему на спинке соседнего стула пиджаку и вытащил из кармана несколько сложенных вчетверо листов папиросной бумаги.

– Вот, – он развернул листки и быстро пробежал глазами, – извольте: Шляхтина Е.В. К сожалению, здесь только инициалы, полное имя не указано, но ведь «Е»! Вы понимаете? Е! Елена!

– Или Екатерина, – буркнул Андрей. – Или Елизавета, или Ефросинья. Или даже Евдокия.

– Возможно, – вздохнул Юркунс.

Он вновь сложил листки вчетверо, но в карман не убрал, оставил на столе, и, как показалось Андрею, даже будто подтолкнул их в сторону гостя.

– Все возможно. И Екатерина, и Елизавета. Но возможно, что и Елена. И возможно, именно ее, именно эту Елену Шляхтину имел в виду Олег Петрович, когда без конца записывал один и ту же фразу: «Не понимаю, почему Лена так поступила». Она оболгала его. Она дала следствию и суду ложные показания. И Олег Петрович не понимал, почему. Более того, они были знакомы, даже, позволю себе предположить, хорошо знакомы. В противном случае он написал бы «Шляхтина» или называл бы ее по имени-отчеству, как человека незнакомого, постороннего. Понимаете? А он всегда в своих записях называл ее Леной. И тут одно из двух, голубчик мой: или он имел в виду Елену Шляхтину, которая дала на него такие показания, или какую-то другую Лену из своего окружения, которую, вполне возможно, знала и ваша матушка. Вы ведь можете ее спросить, верно? И вы можете найти эту Лену и задать ей ряд вопросов, ведь так?

– Могу, – согласился Андрей. – Но зачем? Зачем мне это нужно? Кстати, а почему вы сами не спросили Олега Петровича, кто такая эта Лена? Вы поощряли его попытки разобраться и установить истину, вы сами это говорили, а такой простой вопрос не задали. Почему?

– Потому, голубчик мой Андрей Константинович, что мне не нужно было в этом разбираться. И мне не нужна была истина. Что я стал бы с ней делать? Пошел бы в прокуратуру и стал требовать возобновления дела? На каком основании? На основании бреда психически больного с неснятым диагнозом? Не забывайте, все это происходило до девяносто первого года, когда власть партии и КГБ была еще очень сильна, а любому психиатру в те времена было известно, что такие липовые диагнозы без их прямого указания не ставились. Что же я, враг самому себе? Я не правозащитник и не камикадзе, я старый врач, который хотел спокойно работать до самой смерти в своей тихой больнице на своей хлопотной должности. И у вас нет права меня упрекать.

– Да я и не собирался, – пристыженно пробормотал Андрей, осознавший в эту минуту, как мало он в действительности знает о тех временах, которые условно назывались «при советской власти». – Мне жаль, если вам так показалось. Извините, Лев Яковлевич.

– Извиняю, – Юркунс махнул рукой, изображая жест великодушия. – Я поощрял Олега Петровича в его попытках разобраться, потому что для него это имело бы хороший терапевтический эффект. Родители не захотели взять его из больницы домой, и я понимал, что жить ему суждено одному. И либо он восстановится настолько, что его можно будет выписать, как говорится, «в никуда», и он будет жить самостоятельно, либо он не восстановится и проведет в моей больнице остаток жизни. А остаток этот, смею вам заметить, был весьма велик, когда Олег Петрович поступил к нам, ему еще и сорока лет не исполнилось. Мне не хотелось думать, что изначально здоровый человек проведет свою жизнь так безрадостно. В своих попытках разобраться он тренировал ослабленную память и логическое мышление, он заново учился связно мыслить и ясно излагать, и если бы ему удалось восстановить ход событий, это значило бы, что он может жить самостоятельно. А мне истина не была нужна. Более того, она была бы для меня в то время просто опасна. Многие знания – многие горести, а если попроще: меньше знаешь – лучше спишь. Потом, после смерти Олега Петровича, времена изменились, и истина перестала быть для меня опасной, но она так и осталась ненужной. Возможно, теперь она станет нужна вам.

– Да зачем?! – почти выкрикнул Андрей. – Зачем она мне, эта истина? Что я с ней буду делать? Что мне с нее толку?

– Голубчик мой, – Юркунс протянул руку и положил ладонь на пальцы Андрея. Рука у доктора была сухой и прохладной. – Я вовсе не призываю вас устраивать что-то вроде журналистского расследования, добиваться реабилитации Олега Петровича Личко и клеймить совет-

ские порядки. Если вы так подумали, то вы меня неправильно поняли. Я – психиатр, а не правозащитник, впрочем, я это уже говорил. И я отчетливо вижу, что истина нужна именно вам. Она нужна вашей матушке. В конце концов, она нужна покойным родителям Олега Петровича, который ушли из жизни, думая, что вырастили монстра, чудовище, которые провели последние годы своей жизни, изнемогая от стыда. Строго говоря, они в конечном итоге и умерли от стыда. Вы что же думаете, вы перестали по три раза в день мыться в душе, и это означает, что для вас вопрос исчерпан? Да ничего подобного! Вы бы видели свое лицо, когда я несколько раз позволил себе назвать Олега Петровича вашим батюшкой. А это ваше нежелание влезать в проблему, слушать мои доводы? А ваш страх перед этими вот бумажками? – он кивком головы указал на лежащие на столе листки судебного решения. – Вы ведь даже прикоснуться к ним боитесь. Вы не взяли их в руки, вы их не прочитали. Вы продолжаете отгораживаться от человека, который дал вам жизнь, вы не желаете признаваться себе в том, что в вас течет его кровь, вам это глубоко противно, вас это пугает, нервирует. Внешне вы вполне благополучный, успешный, здоровый молодой человек, а внутри у вас вот уже тринадцать лет бушует ад, который вы тщательно скрываете не только от посторонних, но и от самого себя. Вы – сын убийцы, монстра, чудовища, маньяка, убивавшего и насилующего маленьких деток. В вас течет та же кровь. Вы биологически связаны с этим кошмаром. Ваше подсознание живет с этим каждую минуту, каждую секунду, и если вы удачно скрываете эту адскую войну от внешнего мира, то это не означает, что войны нет. Скрывать-то можно, только ад от этого не заканчивается. Я даю вам в руки оружие, при помощи которого этот ад можно прекратить. Разве вы сами этого не хотите? Разве вы не хотите убедиться в том, что ваш отец – честный и психически здоровый человек, ставший жертвой системы? Разве вы не хотите перестать стыдиться его?

– Хочу, – пересохшими губами тихо произнес Андрей. – Но почему вы уверены, что все будет именно так? А вдруг окажется, что он действительно маньяк-убийца, а никакая не жертва?

– Не окажется, – твердо пообещал Лев Яковлевич, слегка сжав прохладной ладонью пальцы Андрея. – В том, что он не маньяк, то есть не психически больной, я абсолютно уверен. В этом вы можете не сомневаться. А если окажется, что он и в самом деле совершил какое-то преступление, то уж наверняка оно будет не таким страшным и отвратительным, как описано в решении. И вам будет не так стыдно и не так противно думать о своем отце, о человеке, которого любила ваша матушка и от которого родила вас. После этого ваша жизнь станет намного легче, это я вам обещаю.

Андрей чувствовал, что внутри нарастает непонятное сопротивление. Ему было неприятно слушать старого доктора, и неприятно было то раздражение, которое вызывали в нем слова Юркунса. Он не понимал сам себя, и от этого злился еще больше. Да что он себе вообразил, этот старый провинциальный докторишка? Что может вот так, пообщавшись с совершенно незнакомым человеком пару часов, выпив с ним по рюмке коньяку, за здорово живешь выворачивать его наизнанку и рассказывать ему правду о его душе? Чушь! Самоуверенное шарлатанство. Да как он смеет указывать ему, Андрею, что нужно делать, чтобы его жизнь стала лучше? Жизнь у него и без того очень даже неплохая, и без советов его непрошенных он как-нибудь обойдется. И с чего он взял, что Андрей постоянно думает о своем биологическом отце и стыдится его? Да он и не думает о нем вовсе, и до самой смерти не вспоминал бы, если бы не стажировка, не посольства и не свидетельство это дурацкое, которое приходится раздобывать всеми возможными способами. Вот получит завтра повторное свидетельство о смерти, отнесет в посольство – и все. И никакого Олега Петровича Личко в жизни Андрея больше никогда не будет, как не было его и раньше. И обсуждать тут нечего.

Он резко выдернул свои пальцы из руки Юркунса, сделав вид, что хочет налить себе коньяку.

– Я понимаю, – неожиданно мягко заговорил доктор, – вам мои слова кажутся странными и неуместными. Вы хотите возразить мне, что и без того не думаете о своем отце, нет у вас в голове таких мыслей, и вам совершенно все равно, что с ним когда-то там, в незапамятные времена, произошло, потому что этого человека никогда не было в вашей жизни и уж больше не будет.

Андрей ошарашенно посмотрел на него и машинально опустошил одним глотком всю рюмку.

– Я не...

– Хотите-хотите, я же вижу. Торопиться нам некуда, ночь впереди длинная, так что вы меня послушайте. У каждого человека есть два родителя, этот закон природы никто пока не отменил. Даже при искусственном оплодотворении, даже при использовании банка спермы – все равно так или иначе присутствуют мужчина и женщина. Человечество, голубчик мой, существует так давно, что представление об обязательном наличии мамы и папы закреплено на генном уровне, и с этим ничего поделать нельзя. Да и не надо. Более того, человеческий ум устроен таким образом, что он во всем ищет аналогии с собственной жизнью, ибо каждый человек сам для себя – центр вселенной, и в этом нет ничего плохого. Для каждого человека важнее всего на свете – он сам, его чувства, его потребности, его переживания. Именно поэтому он все соотносит с собой. И как только в окружающем его информационном поле появляются упоминания о чьих-то родителях, он мгновенно вспоминает о своих собственных. Порой осознанно, порой неосознанно, но вспоминает. Вы идете по улице и видите мужчину с маленьким мальчиком, вы понимаете, что это отец и сын, и ваше подсознание автоматически соотносит увиденное с вашим собственным опытом, возникает образ отца и тут же выплывают все связанные с ним эмоции, хотя вы их, разумеется, чаще всего и не замечаете, вы даже этого мужчину с мальчиком могли не заметить, шли себе задумавшись и внимания не обратили, но глаз-то ваш их увидел и команду в мозг на обработку информации послал, а мозг быстренько отправил в подсознание, поскольку сознание ваше в этот момент занято какими-то важными мыслями да и вообще оно про отца думать не любит. Ну, не любит – и не надо, у вас для обработки такой нелюбимой информации есть подсознание, которым вы управлять не можете, приказать ему не можете, и на вкусы ваши и пристрастия ему глубоко наплевать, оно живет по своему собственному разумению, а не по вашему. Или другой пример: смотрит человек кино по телевизору, а там герой говорит: «Какие вкусные пирожки, прямо как у моей мамы». И тот, кто это кино смотрит, машинально вспоминает свою маму, и если в его воспоминаниях тоже присутствуют вкусные пирожки, он испытывает мгновенное приятное чувство. А если к тому же мамы уже нет в живых, чувство может оказаться грустным, человек может даже всплакнуть. Если же никаких пирожков мама не пекла, чувство будет окрашено легким сожалением, мол, у меня так не было. А если с мамой были постоянные тяжелые конфликты, душа вспомнит и об этом, и возникнет некоторый эмоциональный дискомфорт. Мгновенный, как легкий укол, человек его даже не заметит. Более того, он может и не заметить, что в этот момент вспомнил маму. Но это все на уровне сознания. А на уровне подсознания все фиксируется, ничто не проходит бесследно. И ранка от уколов становится все глубже и глубже, она начинается гноиться, воспаляться, расширяться. Образ родителей, информация о родителях присутствуют постоянно, она кругом, ее очень много, просто вы не привыкли обращать на нее внимание. Вашему сознанию она не нужна, а ваше подсознание принимает ее всю, и как оно реагирует? Только не надо мне говорить, что информацию об отцах вы соотносите с образом второго мужа вашей матушки, который усыновил вас, дал вам свою фамилию и даже отчество, воспитывал вас и стал вам добрым другом. Это все так, не спорю, но на генном уровне вы не можете отрицать, что у вас есть еще и родной отец, которого вы столь упорно именуете не родным, а биологическим. И каждый раз, сталкиваясь в окружающем мире с образом или понятием «отец», ваше подсознание соотносит его не с вашим отчимом, а именно с Олегом Петровичем Личко. В

течение тринадцати лет, изо дня в день, каждый час, каждую минуту ваше подсознание, улавливая понятие «отец», порождает болезненный укол, потому что вы знаете, что Личко – человек недостойный, ненормальный, чудовищный, и вы не хотите быть его сыном. Вам стыдно и противно чувствовать себя его кровным родственником. Вы пытаетесь защититься от этого, делая вид, что Личко не имеет к вашей жизни никакого отношения, но если сделать вид, что проблемы нет, она ведь не исчезнет, она просто превратится в проблему, загнанную вглубь, а это куда опаснее. Когда проблема явственно видна, вы осознаете необходимость что-то с ней делать, как-то бороться, когда же она загнана вглубь, вы ничего с ней не делаете, не боретесь, не противостоите ей, и она живет себе вольготно, пускает корни, расширяется, углубляется, и в один прекрасный день вылезает в вашей жизни в чудовищном виде, потому что пока проблема маленькая, ей хватает места в вашем подсознании, но когда она разрастается, ей становится тесно и она ищет новые просторы. А знаете, где она их находит? Сначала в вашем сознании, потом в вашем поведении. Она появляется в ужасающем облике и начинает разрушить всю вашу жизнь, вашу работу, карьеру, ваши отношения с людьми, с коллегами, с родственниками, с самыми близкими. А потом она разрушит ваши отношения с самим собой. Вы превратитесь в тяжелого невротика, за этим последуют либо алкоголизм, либо большая психиатрия. Как вам такая перспектива? Поймите, голубчик мой Андрей Константинович, душевный мир человека напрямую зависит от того, может ли он любить и уважать своих близких. Родители, дети которых оказались недостойными людьми, никогда не найдут душевного мира, они обречены на внутренний разлад, потому что как родители они не могут своих детей не любить, но как личности, как индивиды они не могут их уважать. И этот диссонанс разрушает их жизнь. То же самое можно сказать и о детях. Человек генетически приспособлен для любви к своим родителям, и если по каким-то причинам приходится их не любить, не уважать, даже презирать, возникает точно такой же диссонанс, потому что рассудок входит в конфликт с природой. Вы можете мне тысячу раз повторить, что у вас все не так, и все это не про вас, и вы об Олеге Петровиче вообще не думаете и не вспоминаете о нем, но я вам не поверю. Не потому, что вы меня обманываете, а просто потому, что вы не знаете. А я знаю. И если вы хотите сохранить душевное здоровье, воспользуйтесь тем, что я вам рассказал. Узнайте правду, выясните, как все было на самом деле, чтобы уколы в вашем подсознании стали менее болезненными или исчезли вовсе. Я не жду от вас сейчас никакого положительного ответа, мне не нужно немедленное подтверждение моей правоты, потому что я и так знаю, что прав. Вы только подумайте над моими словами, прислушайтесь к себе повнимательнее, а потом решайте.

Юркунс постелил ему в кабинете. Диван оказался действительно широким, но ужасно неудобным. Впрочем, даже если бы диван этот оказался верхом комфортабельности, Андрей вряд ли уснул бы. Сначала не давало спать раздражение, вызванное словами старого доктора, и Андрей мысленно искал аргументы, доказывающие, что Лев Яковлевич ошибался. Но чем больше аргументов он находил, тем яснее почему-то ощущал слабость собственной позиции.

Покрутившись в постели часов до четырех, Андрей не выдержал и вышел в гостиную покурить. Дверь в спальню Льва Яковлевича была приоткрытой, и Андрей решил осторожно прикрыть ее, чтобы дым не потревожил некурящего старика. Однако едва он приблизился к двери, как послышался бодрый голос:

– Что, голубчик, не спится? Болит ранка-то?

Андрей буркнул в ответ что-то невнятное, а про себя подумал: «Да пошел ты!» Выкурил подряд три сигареты, прошел в кухню, выпил стакан воды из-под крана и снова улегся в кабинете. Но сон так и не пришел к нему.

Утром Юркунс накормил его завтраком, состоящим из яичницы все с теми же ватными сосисками и крепкого невкусного чая, и Андрей отправился в ЗАГС за свидетельством, а вечером уже летел в самолете из Вологды в Москву. Завтра он отнесет свидетельство о смерти

Личко в посольство и в ближайшие же выходные поедет в Питер. Надо поговорить с мамой. Он еще не знал точно, о чем, но чувствовал, что поговорить обязательно надо.

* * *

Однако к тому моменту, когда Андрей Мусатов выбрался в Петербург, он уже не был так безоговорочно уверен, что нужно говорить с мамой. Может быть, лучше сначала с Костей? Ведь неизвестно, как мама отнесется ко всей этой истории, а вдруг разнервничается, ей станет неприятно и все такое... Нет, правда, лучше поговорить сперва с Костей, он знает маму как самого себя, понимает как никто другой и сможет дать дельный совет.

Прямо с вокзала Андрей отправился в университет, где Константин Викторович Мусатов преподавал психологию. Справившись в деканате, в какой аудитории Костя читает лекцию, Андрей набрался терпения, уселся на подоконник рядом с лекционным залом и стал ждать. Ждать пришлось, к счастью, не очень долго, всего двадцать пять минут. Двери аудитории распахнулись, в коридор повалила толпа студентов, следом вышел Костя, окруженный десятком таких хорошеньких девушек, что у Андрея аж глаза заболели. Девушки заглядывали в лицо своему профессору с таким обожанием, что впору было прыснуть от смеха, но Андрей сдержался. Его бабушка, мамина мама, часто говорила: «Ксенечка, у твоего мужа только один недостаток – он слишком красив. Это чревато тем, что ты растеряешь всех своих подруг». Все, конечно же, понимали, что это всего лишь милая шутка. Но правда в этой шутке все-таки была, и в немалой доле. Разумеется, с подругами у Ксении Георгиевны все было в порядке, а вот студентки-аспирантки и доцентура-профессура женского пола в Константине Мусатове души не чаяли.

– Андрюша!

Мусатов заметил сына, приветственно взмахнул рукой и резко свернул к тому месту, где сидел Андрей.

– Рад тебя видеть. А ты почему не дома? Я был уверен, что ты после поезда отсыпaeшься.

– Привет, – улыбнулся Андрей. – Дома скучно, вы с мамой на работе, я же не спать сюда приехал, а с вами повидаться. Я смотрю, ты по-прежнему в окружении нежных цветочков.

– Андрюша, ты же должен понимать: это чисто профессиональное, – рассмеялся Константин Викторович. – Грош мне цена как психологу, если я не могу влюбить в себя глупенькую неопытную студентку. И потом, есть золотое правило: если студент влюблен в преподавателя, он изучает предмет намного эффективнее. Кстати, спроси у любого психиатра, они тебе подтвердят, что лечение идет на порядок успешнее, если больной влюблен в своего врача.

– Да, кстати о психиатрах, – осторожно начал Андрей. – Ты сейчас свободен?

– У меня еще одна пара. А что? Случилось что-нибудь? Почему ты заговорил о психиатрах?

– Костя, надо поговорить. Ничего не случилось, не волнуйся, просто у меня возникла проблема, и мне нужен совет. Когда ты освободишься?

– Через два часа. Будешь ждать или встретимся дома?

– Подожду, – твердо сказал Андрей. – Пойду пока куда-нибудь позавтракаю, я же прямо с поезда сюда притащился, домой не заходил.

Константин Викторович задумчиво оглядел его, словно видел впервые.

– Сегодня пятница, – неторопливо произнес он. – Обычно ты приезжаешь в субботу, когда мы с мамой оба дома. Надо ли это понимать таким образом, что у тебя проблема, о которой ты хочешь поговорить со мной, но о которой не должна знать мама?

– Нет, не так. Я думаю, мама должна знать, но предварительно я должен проговорить ее с тобой. Понимаешь?

– Конечно. Хотя и весьма загадочно. Ладно, сынок, встречаемся через два часа.

Он никогда не любил питерское межсезонье, сырое и пронзительно-промозглое, но сегодня даже не замечал ни влажного тягучего ветра, ни накрапывающего дождя, медленно брел по набережной Невы в сторону кафе, которое, как он знал, открывается в восемь утра и в котором варили хороший кофе, и пытался продумать предстоящий разговор с Костей. Как рассказывать? На чем делать акценты? Все зависит от того, какой результат он хочет получить. «Так чего, же собственно говоря, ты хочешь, Андрей Константинович, – спросил он сам себя. – Ты хочешь, чтобы Костя отговорил тебя, сказал, что все это бред сивой кобылы, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, что старый доктор из провинциальной психбольницы – маразматик и набитый дурак, и нет никакого смысла ворошить прошлое, и тем более ни в коем случае не нужно травмировать маму? Да? Ты этого хочешь? Или ты хочешь, чтобы он подтвердил правоту Юркунса, добавил к его словам собственные аргументы и убедил тебя в том, что нужно непременно постараться выяснить, что же на самом деле произошло с Олегом Петровичем Личко, твоим биологическим отцом? Ты хочешь, чтобы Костя лишь укрепил тебя в твоём решении, которое ты на самом деле уже принял? Или решения нет, и ты хочешь, чтобы Костя помог тебе его принять? Определись уже наконец, попробуй быть честным сам с собой.»

Увлеченный внутренним монологом, Андрей не замечал хода времени и чуть не опоздал на встречу с Константином Викторовичем. Мусатов-старший уже ждал его, сидя в припаркованной неподалеку от входа в факультетское здание белой «хонде».

– Ну как, плотно позавтракал? – спросил он, когда Андрей сел в машину.

– Только кофе выпил, правда, три чашки. А что?

– Тогда поедem куда-нибудь пообедаем. И поговорим. Или ты предпочитаешь сначала поговорить?

– Давай сначала поговорим, – решительно произнес Андрей.

Он подробно, не упуская ни одной мелочи рассказал всю эпопею, связанную с поисками свидетельства о смерти Личко. И о поездке в Черемисино, и о разговоре с супругами Перхуровыми, и о встрече с доктором Юркунсом. Рассказал и о своих сомнениях, о той злости, которая его охватывала все время, пока он слушал Льва Яковлевича, о растерянности, о том, что в словах старого психиатра показалось ему убедительным, а что – не очень. Одним словом, он рассказал все, тщательно выбирая выражения и стараясь ничего не перевернуть и ни на чем не делать акцент.

Константин Викторович слушал внимательно, ни разу не перебил Андрея, а потом долго молчал.

– Какой совет тебе нужен? – наконец спросил он. – Говорить ли об этом маме? Или заниматься ли этим вообще?

– И то, и другое. Но, главным образом, насчет мамы, конечно. Я не могу понять, нужно ей знать об этом или нет.

– А сам ты как считаешь?

– Я считаю, что нет, не нужно, – твердо заявил Андрей.

– Аргументы? – коротко потребовал Мусатов-старший.

– Понимаешь, Костя, я подумал, что... В общем, смотри, как получается: если на самом деле этот Личко ни в чем не виноват, а мама сразу поверила в его вину и отказалась от него и даже от его родителей, отказалась от всей своей жизни с ним, вычеркнула его не только из своей, но и из моей жизни, но получается, что она его предала. Вместо того, чтобы не верить в его вину и добиваться правды, она бросила его на произвол судьбы. Пока она думает, что Личко действительно маньяк-убийца, она чувствует себя правой, а если выяснится, что все было не так, как она будет себя чувствовать? Предательницей, бросившей близкого человека в беде?

– Я понял твои доводы, – кивнул Константин Викторович. – Они разумны. Но есть и другая сторона медали, и мне хотелось бы, чтобы ты на нее взглянул. Люди, знаешь ли, почему-то очень не любят, когда обманывают их доверие. Ну есть у нас, у человеческих особей, такая странная особенность. Мы очень болезненно реагируем на ситуации, когда человек, которого мы представляем себе определенным образом, вдруг оказывается совсем не таким. Мы в таких случаях чувствуем себя обманутыми. Чаще всего мы перестаем общаться с таким человеком, если можем, конечно, но чувство обманутости оказывается весьма болезненным и дает о себе знать еще долгие годы. Знаешь почему? Когда человек оказывается не таким, каким мы его себе представляли, мы можем сколько угодно говорить вслух о том, что он обманул наше доверие, но в глубине души, в том самом подсознании, о котором говорил тебе старый доктор, мы твердим: это я дурак, не распознал, не рассмотрел, не угадал, это я слепец, я идиот, я ничего не понимаю в людях. Мы на самом деле обвиняем сами себя, мы считаем себя глупыми, и нам это ужасно неприятно. Идеи самообвинения и собственной недостаточности – одни из самых пагубных с точки зрения душевного равновесия и даже, если хочешь, психического здоровья. А теперь представь себе, как на протяжении почти тридцати лет чувствовала себя твоя мама, думая, что не распознала рядом с собой психически больного жестокого детоубийцу и насильника, не разглядела, ничего в нем не поняла.

– Думаю, что плохо, – уныло согласился Андрей, которому такая постановка вопроса в голову как-то не приходила. – Но все равно я не понимаю, что лучше: чувствовать себя жертвой обмана или предателем, бросившим человека в трудную минуту на произвол судьбы.

– А тебе и не нужно это понимать, потому что каждый человек воспринимает это по-своему. Одному легче чувствовать себя предателем, другой предпочтет быть обманутым. Здесь нет рецепта.

– Так что же мне делать? – нетерпеливо спросил Андрей. – Говорить маме или нет?

– Обязательно говорить, – кивнул Константин Викторович. – А мама пусть сама решает, пусть она сама выберет, кем ей себя чувствовать. Не нужно думать за нее и тем более не нужно делать за нее выбор.

– Тогда следующий вопрос: а мне-то что делать? Допустим, она скажет, что хочет знать правду, и тогда мы все дружно будем думать, как нам взяться за это дело. А если она не захочет никаких разбирательств? Если запретит мне даже думать об этом?

– Ну, глупости какие! – рассмеялся Мусатов-старший. – Как это она может тебе запретить? Ты не ребенок, ты взрослый тридцатилетний мужик, вон какую карьеру сделал, да и живешь ты в другом городе, а не под маминым крылышком. Как сам захочешь, как сочтешь нужным, так и сделаешь. Другой вопрос, сообщишь ли ты маме о результатах своих изысканий, но это уж будет зависеть от ее позиции. Ты сам-то чего хочешь? Хочешь ты влезать в это дело, или тебе не интересно?

– Я не знаю, – честно признался Андрей. – Не могу разобраться в себе. С одной стороны, конечно, хорошо бы перестать думать о себе как о сыне маньяка-убийцы, но с другой стороны...

Он замолчал, подыскивая слова, которые все куда-то подевались.

– С другой стороны, – мягко подсказал Константин. – Ну? Так какие мысли у тебя находятся с другой стороны?

– Это не мысли, это чувства. Я их не понимаю, не могу ни объяснить, ни описать. Какой-то внутренний протест, что ли. Когда я об этом думаю, внутри меня все поднимается, и бунтует, и кричит: нет! нет!!!

– Значит, прав был твой доктор Юркунс, – задумчиво проговорил Мусатов-старший. – Болит ранка-то. Болит.

– Ну вот, и ты туда же. Далась вам эта ранка!

– Вот видишь, ты повышаешь голос, раздражаешься. Значит, тема тебе не безразлична. Я полагаю, Андрюша, ответ однозначен: поисками истины заниматься нужно. И вовсе не потому, что истина важнее всего, глупости все это. Иногда она действительно важнее, а иногда не имеет никакого значения, а порой и просто вредна. Но в нашем случае узнать правду о том, что случилось с твоим отцом, все-таки нужно, что бы по этому поводу ни думала твоя мама. Это нужно в первую очередь тебе самому.

– Выходит, все эти разговоры по подсознанию...

– Да-да, сынок, это все так и есть. Твой доктор вовсе не выживший из ума маразматик, все, что он тебе говорил, давно известно и в психологии, и в психиатрии. А теперь давай подумаем, как нам вечером построить разговор с мамой, чтобы как можно меньше ее травмировать.

Они поехали обедать в дорогой ресторан, строили планы, вырабатывали стратегию разговора, чтобы выдавать информацию Ксении Георгиевне постепенно, подготавливая ее к каждому новому повороту, а то еще, не дай бог, сердце не выдержит.

Но Ксения Георгиевна все равно, конечно, разволновалась донельзя, сосала валидол, слушала сына бледная, с выступившей на лбу испариной и синевой вокруг плотно сжатых губ. Как и ее муж, она умела слушать не перебивая, поэтому до самого конца Андрею так и не удалось предугадать, какой же будет ее реакция. Что она скажет? Захочет узнать правду или нет?

Выслушав рассказ Андрея, она встала с дивана, на котором все это время сидела, и спокойно спросила:

– Кто будет чай, кто кофе?

– Кофе, – быстро ответил Андрей.

– А мне чайку, если можно, – попросил Константин Викторович.

Ксения молча кивнула и вышла из комнаты.

– Я не понял... – ошарашенно прошептал Андрей, глядя вопросительно на Костю.

Он ожидал бури эмоций, может быть – крика, может быть, слез, да чего угодно, только не такого ледяного спокойствия. А как же валидол, испарина, бледность? Нет, рассказ сына совершенно точно не оставил ее равнодушной. И вдруг – чай какой-то... И ни слова о том, что она только что услышала.

– Ей нужно подумать, – так же шепотом ответил тот. – Ты что, свою маму не знаешь? Она никогда в жизни на серьезные вопросы сразу не отвечает.

– Но она так спокойна, – удивился Андрей.

– Если бы она не умела сохранять спокойствие в самых экстремальных ситуациях, она не проработала бы столько лет в школе.

Через несколько минут Ксения Георгиевна внесла в комнату поднос с чашечкой кофе для сына и двумя большими чашками с чаем – для себя и для мужа. Прошло еще минут пять, но к чаю она так и не прикоснулась, сидела неподвижно, обхватив горячую чашку ладонями. Андрей почему-то не мог оторвать глаз от ее рук, он впервые заметил сейчас на них проступающие пигментные пятна, неумолимые свидетельства надвигающейся старости. Правда, пятна совсем еще незаметные, бледные, ведь мама совсем не старая...

– Костя, Андрюша, – начала Ксения Георгиевна глухим голосом, – я не знаю, как вы отнесетесь к тому, что я сейчас скажу, но я все равно скажу, потому что когда-то же нужно... Нужно, наконец, сказать. Я очень любила Олега, своего первого мужа. Очень любила. Я считала его самым лучшим, самым добрым, самым умным. Я восхищалась им, его трудолюбием, его умом, его образованностью... Он ведь очень много читал и очень много знал. Я всегда удивлялась, как это получается, что мальчик из провинциального городка знает намного больше меня, столичной девчонки. Знаете, такое столичное высокомерие... Я не просто восхищалась им, я его боготворила. Он был абсолютно неординарной личностью, ни на кого не похожий, с очень своеобразным мышлением, с оригинальной логикой. Прости, Костя, я никогда не говорила тебе этого, и тебе, наверное, неприятно это слышать.

– Ничего, – успокоил жену Мусатов-старший, – ничего, Ксюша, все в порядке. Все нормально. Рассказывай.

– Олег с самого первого дня нашего знакомства попросил, чтобы я занималась с ним английским, просил для перевода самые трудные тексты. Разговорная практика ему не была нужна, он набирал лексику и учился читать научную литературу. Он где-то доставал научные книги на английском, в основном по специальности, но потом я заметила, что он читает и много другого. Он интересовался даже астрологией... Тогда, в семидесятых, это было чем-то совершенно запредельным, вроде сатанинских культов, ведь мы все были оголтелыми материалистами, воспитанными в идеологии научного атеизма.

Ксения Георгиевна помолчала немного, глядя в свою чашку, потом заговорила снова.

– И вот когда все это случилось... Когда Олега арестовали, отправили на судебно-психиатрическую экспертизу, поставили ему диагноз и признали невменяемым, я сразу поверила. И его оригинальность, и своеобразие, и невероятная, просто какая-то нечеловеческая память и способность усваивать новые знания, и его увлечение астрологией и некоторыми другими вещами, которые в то время назывались «буржуазными штучками» и «отрыжкой капитализма»... Все это укладывалось в картину шизоидной личности. И я поверила. Я не оправдываюсь сейчас, я хочу сказать совсем о другом... – она тяжело вздохнула и впервые за все время разговора подняла глаза на мужа и сына. – Я действительно очень его любила. И я действительно боготворила его. И вот уже без малого тридцать лет я живу с сознанием, что обожала и боготворила чудовище, убийцу детей. Мне стыдно за свою любовь. Я отвратительна сама себе. И сегодня я вдруг поняла, что больше не могу. Я больше не хочу этого стыда. Я устала от отвращения к себе самой. И если есть хоть малейшая надежда покончить со всем этим, я прошу вас, дорогие мои, любимые мои Андрюша и Костенька, давайте сделаем это. Помогите мне. Пожалуйста.

И вот тут она наконец заплакала. Очень тихо и очень горько. Слезы лились по щекам, стекали по подбородку и капали в чашку с чаем.

– Мам, соленый чай – это невкусно, – попробовал пошутить Андрей, чтобы, как выразился Костя, «снизить уровень полемики».

Константин Викторович одобрительно посмотрел на него и едва заметно подмигнул.

И снова Андрей никак не мог уснуть, хотя и комната была его, а не чужая, и за стенкой спали мама с Костей, а не посторонний человек, и диван был привычным и удобным. Неужели и вправду этот Личко был не чудовищным детоубийцей, а талантливым, неординарным человеком, которого любила и боготворила мама? Неужели у него, Андрея Мусатова, могут появиться основания гордиться своим отцом? Не стыдиться его, а уважать? А если старый доктор ошибается? Если Личко и впрямь был сумасшедшим, если он и в самом деле убивал и насиловал маленьких детей? Андрей займется выяснением обстоятельств, он примерно представляет уже, с какого конца братья за дело, и выяснится, что все было именно так, как написано на тех страшных листках папиросной бумаги, которые Лев Яковлевич Юркунс заставил-таки его взять с собой. И что тогда с этим делать? Ничего не выяснять, сказать себе: «Юркунс прав, Олег Личко ни в чем не виноват, произошла чудовищная ошибка, сломавшая жизни нескольких людей», – и на этом успокоиться и закрыть тему. Может быть, так и поступить?

Он услышал тихий шорох, шаркающие шаги прошелестели мимо двери в комнату Андрея. Это Костя идет на кухню. Андрей никогда не путал Костины шаги и мамнины, потому что Костя дома носил шлепанцы без задников, а мама никогда никаких шлепанцев не признавала, она носила тонкие матерчатые закрытые тапочки, в которых ходила совершенно бесшумно. Андрей откинул одеяло, сполз с дивана и выскользнул из комнаты.

– Ты чего? – вполголоса, чтобы не разбудить мать, спросил он, увидев Константина Викторовича, неподвижно сидящего за столом в просторной кухне.

– Да так... Не спится что-то. Давай чаю, что ли, выпьем, – предложил тот.

– Давай.

Андрей нажал кнопку на электрическом чайнике, достал из шкафа чашки.

– Что ты решил? Будешь заниматься этим делом? – спросил Константин Викторович.

– Не знаю. Не могу решить. Если результат будет положительным – это хорошо для всех. А если он окажется отрицательным? Если Юркунс ошибается?

– Тогда ничего не изменится, – пожал плечами Константин Викторович, – все останется, как есть. Что ты теряешь?

– Много. Надежду. Пока мы еще ничего не выяснили, мы можем просто сказать себе: Юркунс прав, а Личко не виноват. А вдруг потом мы этого сказать не сможем?

– Андрюша, Андрюша, – Мусатов слабо улыбнулся, – как это похоже на тебя. Закрывать глаза и сделать вид, что проблемы не существует. Кажется, твой доктор тебе все объяснил насчет проблемы, загнанной внутрь, а ты не сделал никаких выводов.

– Но тут совсем другое дело!

– Да то же самое дело, Андрюша, то же самое. Ты когда-нибудь задумывался о том, что ты всю жизнь называл меня Костей, а не папой?

– А ты обижался?

– Да нет же, не об этом речь. Речь сейчас о том, почему ты не называл меня папой. Можешь ответить, почему?

– Потому что я знал, что ты не папа. Мне было девять лет, когда ты вошел в нашу семью, я уже все понимал, и откуда дети берутся – тоже знал.

– Нет, Андрюшенька, это ты можешь сам себе рассказывать, а мне – не надо. Ты снова загоняешь проблему вглубь, вместо того, чтобы посмотреть ей в глаза. Если ребенок хочет, чтобы у него был отец, как у всех, если ему нравится избранник его матери, то нет ничего более естественного, чем называть этого человека «папой». Более того, ребенок испытывает невероятное наслаждение оттого, что теперь может вслух произносить это слово, обращаясь к конкретному взрослому мужчине. Ты хотел, чтобы у тебя был отец, это предопределено на генетическом уровне, твой старый психиатр все тебе про это объяснил. И я тебе нравился, иначе у нас не сложились бы такие отношения, какие сложились. Так почему же ты никогда не называл меня папой, а?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей, разливая в чашки кипяток, – не называл – и все. И какое это имеет значение?

– Огромное. Это означает, что уже в детстве, уже в свои девять лет ты подсознательно хотел называть папой только своего родного отца, биологического. Того, от кого тебя родила мама.

– Да перестань, Костя! Ну что я мог соображать в девять-то лет! Какое подсознание? Откуда оно возьмется у девятилетнего пацана?

– Не говори ерунды. Ты – превосходный инженер, специалист по нефтяным вышкам, не спорю, но в психологии ты, уж прости меня, полный профан. Тебя даже слушать смешно. Подсознание формируется даже раньше сознания, в нем зафиксировано все, что происходило с тобой, пока ты еще в утробе матери находился, это давно доказано наукой. И то, как сильно, страстно и нежно мама любила твоего отца, как уважала его, боготворила, как восхищалась им, там тоже зафиксировано, хотя ты этого, разумеется, не осознаешь. Именно поэтому твое подсознание не давало тебе назвать меня папой. Слово «папа» было предназначено только для него, для того, другого, которого ты не помнишь, потому что был слишком маленьким, когда он исчез из твоей жизни. Его нет в твоей памяти, но он есть в твоём подсознании, потому что ты прожил с ним бок о бок целых полтора года. И он любил тебя, носил на руках, целовал тебя, баюкал, тетешкал, менял тебе пеленки. То, что тебе официально рассказывали об отце, я имею в виду, что ты родился вне брака, что он расстался с мамой еще до твоего рождения, не давало тебе оснований ненавидеть его. До семнадцати лет ты не знал о нем ничего плохого. Зато в

твоим подсознанием накрепко запечатлелись и мамина любовь к твоему отцу, и его любовь к ней, и его любовь к тебе.

– Ты так говоришь, будто на сто процентов уверен, что он не был психом, – перебил его Андрей. – А если все-таки был? И маму он не любил, и меня не любил тем более, потому что человек, который убивает и насилует чужих детей, не может любить своих собственных.

– Боже мой, как чушь! Какая чушь! Тысячи, миллионы убийц отнимают чужие жизни, оставаясь при этом любящими детьми, мужьями и родителями, это же прописная истина! Но это не о том... – Мусатов тряхнул головой. – Не о том мы заговорили. Я вот что хочу тебе сказать: тебе нужен человек, которого ты сможешь назвать отцом. Ты все время держал это место вакантным, потому что твое подсознание знало: или Личко, или никто. С тем багажом информации, который у нас был до недавнего времени, называть Олега Личко отцом как-то не очень хотелось, верно?

– Да уж, – хмыкнул Андрей, – приятного мало.

– Твое подсознание хочет сказать: «Папа!», и при этом испытывать радость, гордость, счастье, любовь. Понимаешь? Это нормальное желание нормального человека, заложенное в нас природой. Потому что природой нам предназначено любить своих родителей, и если по каким-то причинам мы этого сделать не можем, мы страдаем. Кто больше, кто меньше, кто явно, кто скрыто, но страдаем все. Думая, что Олег Личко – убийца и насильник, ты не сможешь испытывать никаких положительных эмоций, называя его «папой». Согласен?

– Ну.

– Но ничего не выясняя, поверив доктору Юркунсу на слово, ты оставляешь место сомнениям, и все равно не сможешь думать о Личко как об отце и испытывать радость и гордость. Знаешь, как в старом анекдоте: то ли он украл, то ли у него украли, но что-то такое было. Если ты оставишь все, как есть, тебе не станет лучше. Если выяснится, что доктор ошибается и Личко – преступник, тебе не станет хуже, потому что ты и так живешь с этим уже много лет. Но есть шанс, что доктор не ошибается. И тогда вакантное место окажется заполненным. И все встанет на свои места, и сделается так, как должно быть по природе. В твоей душе появится образ отца, которого ты будешь любить и уважать, пусть даже его давно нет в живых. Имей в виду, деление людей на живых и мертвых – функция сознания. Подсознание этого деления не принимает, ему все равно, умер человек или жив, оно видит образ и либо радуется, либо негодует. У тебя есть шанс дать своей душе радость, которой ты был лишен тридцать лет. Теперь ты понимаешь, о чем я говорю?

– Не очень. Я должен подумать.

– Мамин сын, – ласково усмехнулся Константин Викторович.

* * *

Андрей вернулся в Москву в понедельник утром, прямо с вокзала отправился в офис, до обеда успел напутать в бумагах все, что можно, обнаружил это только часам к пяти, разозлился, пнул ногой урну для мусора, стоящую рядом со столом, потом, чертыхаясь и ползая на коленях, навел порядок и уселся все переделывать заново. Настроение было отвратительным.

Около восьми вечера в кабинет заглянул начальник службы безопасности Болотов, грузный, седой, краснолицый, отставной полковник милиции, имеющий репутацию человека, не доверяющего никому и не верящего ничему.

– Охрана сказала, вы еще работаете, – как можно безразличнее бросил он в пространство, стараясь не встречаться глазами с Андреем.

Болотов был именно руководителем службы безопасности, а не просто начальником всех охранников, и бдительно следил за тем, чтобы из фирмы не утекали производственные секреты. Любой сотрудник, остающийся в офисе после окончания рабочего дня, автоматически

подозревался Болотовым в попытках скачать и скопировать информацию в неблагоприятных целях. Андрей это знал и относился с пониманием.

– Сам виноват, – сердито ответил он, – напортачил, теперь переделываю. Настроение хреновое, всякая дурь в голову лезет, вот и наделал ошибок.

Болотов подошел поближе и сел за соседний стол, повернувшись так, чтобы видеть экран компьютера, на котором работал Андрей.

– Проблемы, Андрей Константинович?

– Проблемы, – вздохнул тот. – Кстати, можно, я с вами посоветуюсь? Мне нужен частный детектив, может, вы кого-нибудь порекомендуете?

– Что-то связанное с личной жизнью? – кинул на него понимающий взгляд Болотов. – Дама сердца своим поведением доставляет беспокойство? Или бывшая супруга донимает?

– Нет, с бывшей супругой все в порядке, – улыбнулся Андрей. – И с дамой сердца тоже. Мне нужен человек, умеющий разбираться с прошлым, причем очень давним. Середина семидесятых. Наверное, нужно работать с архивами или еще что... В общем, не знаю.

– А можно чуть подробнее?

– У меня на руках есть решение суда по одному делу, где человек был признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение. И есть основания полагать, что одна из свидетельниц говорила неправду. Мне нужно разыскать эту женщину и узнать о ней как можно больше. Это возможно?

– А почему нет? – пожал плечами Болотов. – Возможно все, если правильно взяться. Вам нужен человек, имеющий доступ к архивам суда. В архиве лежит уголовное дело, в деле – все протоколы допросов, а в протоколе – паспортные данные свидетеля, место его работы, адрес и много другой полезной информации. В каком суде слушалось дело?

В каком суде? А бог его знает. Андрей достал из кармана сложенные вчетверо листки, привезенные от Юркунса, развернул, пробежал глазами первую страницу. А вот, есть.

– В Московском городском.

– Вполне реально. Если бы суд был не московским, тогда сложнее, а здесь я вам подберу подходящего человека, если вы готовы платить.

– Разумеется, – кивнул Андрей. – Мне обязательно нужно разобраться с этим, а то – сами видите, не работа, а сплошная халтура. Голова не тем занята.

– Вас это так сильно беспокоит?

– Очень сильно.

– Речь идет о ком-то из близких?

Андрей помолчал, прикидывая, говорить Болотову правду или придумать какое-нибудь правдоподобное вранье. Решил не врать. Смысла нет, ведь если Болотов свяжет его со своим знакомым детективом, он все равно узнает правду, но Андрей в его глазах окажется лжецом и выйдет из доверия. А кому это надо – выйти из доверия у начальника службы безопасности фирмы? Себе дороже.

– Речь идет о первом муже моей матери.

И ведь это чистая правда. Хотя и не вся.

– Ясно. Я подумаю, что можно сделать.

Выправлять огрехи Андрей Мусатов закончил около десяти вечера и прежде, чем уходить с работы, позвонил Наташе.

– Ну ты где вообще? – капризно протянула девушка. – Сколько можно тебя ждать?

– Не надо меня специально ждать, я на работе. А ты где?

– А я, между прочим, у тебя дома. Сiju тут, как дура, а тебя все нет и нет.

– Ты бы позвонила, я бы тебе сказал, что приду поздно.

– А я хотела, чтобы был сюрприз.

«Не надо, – мысленно произнес он, – не надо мне сюрпризов. Мне пока достаточно того, что уже случилось. И тебя мне пока не надо. Я хочу дома побыть один. Куда ж тебя девать, сокровище ты мое?»

– Наталья, я очень устал и вряд ли составлю тебе хорошую компанию. Тем более ночь я провел в поезде, а ты же знаешь, я поездах не могу спать.

– Ну почему ты так упорно едешь поездом, а не летаешь самолетами? Нет, я просто тебя не понимаю. Это же гораздо быстрее, и спать будешь нормально.

Наверное, самолетом и в самом деле лучше, но Андрей привык ездить на поезде из Москвы в Питер и обратно. Главным образом потому, что питерская квартира, в которую они переехали тринадцать лет назад, находилась на улице Восстания, прямо напротив Московского вокзала, и так соблазнительно было, выйдя из вагона, через семь минут оказываться дома! А из Пулкова пока доберешься... Да и в Шереметьево путь не близкий.

– Я делаю так, как мне удобно, – сухо ответил он.

– Значит, тебе удобно ночь не спать, чтобы потом чувствовать себя разбитым и портить мне настроение, – уточнила Наташа.

– Я не собирался портить тебе настроение...

– Ага, и ты вообще не собирался со мной сегодня встречаться, – зло закончила она. – Так может, мне уйти?

«Уходи, – про себя произнес Андрей. – И чем скорее – тем лучше. У нет ни малейшего желания сегодня вечером ни с кем общаться. Вот приду через полчаса домой – чтоб тебя уже не было.»

– Ну зачем ты так, – примирительно сказал он вслух. – Просто я действительно не гожусь сегодня для веселья. Если ты готова терпеть меня таким – я буду рад тебя видеть.

– Ничего я не готова. Ты мне весь вечер испортил. Я могла бы его провести намного интереснее.

– Ну так проводи, у тебя еще есть возможность все исправить. Только не надо меня лечить, хорошо?

Когда разговариваешь по городскому телефону, всегда слышно, если твой собеседник в ярости швыряет трубку на рычаг. Мобильная связь таких прекрасных возможностей не дает, и нажатие кнопки приводит к совершенно одинаковым акустическим результатам, какие бы клокающие эмоции ты ни испытывал, поэтому о настроении своей подруги в момент прекращения разговора Андрей мог только догадываться. Вероятно, она все-таки очень обиделась, потому что через тридцать пять минут, когда он вошел в свою квартиру на Ленинском проспекте, там никого не было. Более того, Наташа, похоже, решила обидеться всерьез и надолго, вероятно, недели на две: из ванной исчезли ее зубная щетка, щетка для волос, баночки с кремами и шелковый белый пеньюар. Сколько бы времени она ни провела в этот день в квартире Андрея, продуктов она не купила и ужин не приготовила, наверное, рассчитывая, что он после работы поведет ее в ресторан.

Он равнодушно оглядел содержимое холодильника, одновременно прислушиваясь к себе, чтобы понять, настолько ли он голоден, чтобы затеяться с приготовлением чего-нибудь серьезного, или можно перебиться бутербродом с чаем. Сыр в холодильнике был, масло тоже, а вот хлеба в шкафу не оказалось, так что номер с бутербродом, пожалуй, не пройдет. Зато в том же шкафу обнаружились разнообразные несъедобные, на его взгляд, продукты вроде отрубей и целлюлозы, которые покупала Наташа, трепетно относящаяся к всяческим идеям очищения организма, и макароны «Макфа», которые предпочитал он сам и мог есть в любое время дня и ночи. Юность Андрюши Мусатова пришлась на рубеж восьмидесятых-девяностых годов, когда его растущему организму постоянно требовалась сытная еда, а продуктовые прилавки своим ассортиментом могли устроить только тех, кто сидел на голодной диете. Но макароны можно было купить всегда, и с легкой руки Ксении Георгиевны мальчик научился их любить

и потреблять в любом виде: с маслом, с сахаром, с сыром, с кабачковой икрой, с тушеными помидорами, с творогом и даже с подливкой, которую он делал из супового концентрата. Спустя годы, когда наступило продуктовое изобилие, он остался верен своей любви к макаронам, методично перепробовал все поступающие в продажу сорта и остановил свой окончательный выбор на «Макфе». Андрей любил, особенно в плохом настроении, плотно поесть перед сном, и обычно наутро, встав на весы, отчетливо видел результаты нервических излишеств, однако почему-то после двух-трех изрядных порций макарон ничего экстраординарного не происходило. То ли такая особенность обмена веществ у него, то ли особенность сорта, – он не знал, но радовался, что можно бесконтрольно набивать утробу в поздний час себе на радость. И еще одно привлекало его: эти макароны не разваривались, сколько их ни вари, а это немаловажно для мужчины, который не умеет, как многие женщины, стоять над плитой и вообще торчать на кухне часами, он ставит кастрюлю на конфорку и уходит в комнату, где утыкается в книгу, отвлекается на телефонные разговоры и телевизионные передачи, а то и на мысли о геополитических проблемах и мировой экономике. Его бывшая жена, с которой Андрей развелся год назад, ужасно злилась на него за эту непонятную для нее любовь к макаронам определенного сорта, потому что покупала продукты всегда наспех, торопясь и не глядя на этикетки, а он не-«Макфу» есть отказывался и сердито ворчал, мол, неужели так трудно запомнить, какие макароны он любит. Вообще-то Андрей Мусатов особо капризным не был, ел, что дают, и пил, что наливают, относительная финансовая свобода пришла к нему всего несколько лет назад, а до этого он, как и многие, считал рубли, умел экономить и довольствоваться малым, но были вещи, к которым он испытывал стойкую привязанность и изменять ей не собирался: если передвигаться между Москвой и Санкт-Петербургом, то только на поезде; если пить чай, то только с лимоном; если пользоваться блокнотами, то листки должны быть непременно в клеточку, а не чисто белые и не в линейку; если покупать макароны, то только любимого сорта. Никаких других принципиальных предпочтений у него не было.

Обозрев бакалейный ассортимент, Андрей решительно вытащил пачку своих любимых макарон и поставил на плиту кастрюлю с водой. Пока готовился ужин, он переоделся и даже успел вполуха послушать вечерние новости. Жадно уплетая макароны с маслом и сыром, он привычно окунулся сперва в ощущение детства, потом в мысли о маме, которые вполне естественным путем привели его (в который уже раз за сегодняшний день!) к мыслям об Олеге Петровиче Личко. Костя прав, надо постараться выяснить, что там к чему, и расставить все точки над «i». Будем надеяться, что Болотов найдет толкового специалиста, который сумеет помочь.

Он уже крепко спал, когда позвонила Наташа. Есть такие женщины, которые чем сильнее обижаются, тем чаще и неуместнее звонят. Судя по звукам музыки и оживленным голосам, свою обиду на Андрея она «полировала» в месте не тихом и не скучном.

– Хочу тебя успокоить, чтобы ты за меня не переживал, – вызывающим тоном заявила она, – я отлично провожу время.

– Я рад за тебя, – сонно пробормотал Андрей. – Будь умницей, води себя прилично, с посторонними мужчинами не разговаривай и дай мне, пожалуйста, поспать.

Положив трубку, он с закрытыми глазами нащупал шнур и ловким движением отсоединил его от аппарата. Потом протянул руку к лежащему на тумбочке мобильнику и так же не глядя нажал кнопку отключения. И почему все красивые девушки такие вредные?

* * *

– Его фамилия Пинчук, зовут Виктором Альбертовичем, вот телефон, – с этими словами Болотов положил перед Андреем твердый прямоугольник визитной карточки. – Он ждет

вашего звонка. Я переговорил с ним, объяснил вашу проблему, он готов за нее взяться. Расценки он вам скажет сам.

– Спасибо.

Информации на карточке было маловато, только имя, фамилия, электронный адрес и два телефона. Ни названия агентства, ни офисного адреса. Скромненько. Но Андрею было все равно, пусть этот Пинчук с изысканным отчеством окажется даже кустарем-одиночкой, лишь бы толк был.

Он позвонил по одному из указанных телефонов, ответил совсем юный женский голос, который сообщил, что Виктор Альбертович в данный момент отсутствует, но доступен по мобильнику. Владелицу голоса Андрей определил как девицу лет девятнадцати-двадцати и скептически подумал, что специалиста ему Болотов подыскал по меньшей мере сомнительного. Если у него такая юная подружка или даже жена, то либо он сам еще совсем пацан зеленый и мало что умеет и может, либо средних лет сладострастник, оживляющий усталую и плохо слушающуюся плоть свеженькими молоденькими телами, что в глазах Мусатова его не украшало. Почему-то Андрею даже в голову не пришло, что девица может оказаться дочерью Виктора Альбертовича Пинчука. А между тем, так оно и было.

Они договорились встретиться в тихом ресторанчике на Бульварном кольце. Пинчук явился чуть раньше, и когда Андрей подошел к столику, тот уже с видимым удовольствием потягивал темное пиво из высокой кружки. Маленького роста, рыхловатый, с более чем редкими волосиками и огромной бородавкой возле правой ноздри, Пинчук почему-то вызывал у Андрея ассоциации с жуликом, и тот в первый момент собрался даже отказаться от его услуг. Мол, извините, обстоятельства изменились, мне ничего не нужно, простите, что побеспокоил напрасно. Но привычка доводить дело до конца возобладала, и он решил для начала хотя бы поговорить с частным сыщиком, которого рекомендовал Болотов.

Рассказывал Андрей долго и обстоятельно, а Виктор Альбертович слушал, то и дело что-то записывая в толстом блокноте с кожаной обложкой.

– Копия решения у вас с собой? – спросил он, когда Андрей закончил рассказывать.

– Да, – Андрей протянул ему тонкие изрядно истрепанные листки. – Правда, она плохо читается.

– Ничего, – усмехнулся Пинчук, – я привычный.

И поймав удивленный взгляд Андрея, пояснил:

– Я не из милиционеров, я из адвокатов. И таких вот приговоров и решений на папиросной бумаге прочитал в свое время великое множество. Вы позволите, я быстренько пробежу глазами?

– Да, конечно, – кивнул Андрей, все еще недоумевая. Как это он собирается «быстренько пробежать» такой «слепой» экземпляр, когда там каждое слово чуть ли по буквам надо разбирать? За тридцать лет краска от синей копирки изрядно стерлась и выцвела, правда, чья-то заботливая рука (ну чья же еще? Личко, естественно) аккуратно обводила особо нечитаемые слова и даже целые фразы шариковой ручкой по контуру букв, но все равно текст читался с большим трудом. Однако для бывшего адвоката Пинчука это, видимо, действительно было делом привычным, во всяком случае уже минут через десять он положил листки на стол перед собой и снова взялся за свое пиво.

– Понятно, – сказал он. – У меня к вам два вопроса. Первый: какими сроками для выполнения работы располагаю я? И второй: какими средствами для оплаты моей работы располагаете вы?

– Это не срочно. Через две недели я улетаю в Штаты на пять месяцев, то есть до конца октября меня все равно не будет в Москве. Ну... вот если до конца октября – сколько это будет стоить?

– Если до конца октября – то недорого, – рассмеялся Пинчук. – Чем более сжатые сроки – тем дороже, это естественно, а если срок такой большой, то существенно дешевле.

Он назвал сумму, которая показалась Андрею вполне приемлемой.

– И что я получу за эти деньги?

– За эти деньги вы получите все сведения, которые можно будет собрать о свидетельнице Шляхтиной, а также перечень лиц, обладающих хоть какой-то информацией по данному делу, их имена, адреса, телефоны, место работы и так далее. Кроме того, за эти же деньги вы получите мою собственную аналитическую справку, написанную по результатам изучения материалов архивного уголовного дела. Если вы хотите что-то еще, то скажите сейчас, чтобы потом у нас с вами не возникало недоразумений.

– Если честно, я не знаю, чего еще можно хотеть, – признался Андрей. – У меня нет опыта в подобных делах, я даже представить себе пока не могу, какие сведений мне обязательно нужны, а какие совсем не пригодятся.

– Тогда вам придется довериться моему собственному опыту.

– Вы уже делали для кого-нибудь такую работу?

– И даже чаще, чем вы можете себе представить, – уклончиво ответил Виктор Альбертович, пряча очки для чтения в дорогой футляр «Роденшток». – Несправедливость правосудия имеет место во все времена, просто не при всех режимах есть возможность ее выявлять. При прежнем режиме такой возможности не было, но зато теперь огромное количество людей пытается восстановить справедливость, нарушенную много лет назад. Прошу прощения, – он пододвинул к себе счет, принесенный официантом, – за мое пиво я заплачу сам.

Андрей молча кивнул и положил на стол деньги за три выпитые им чашки кофе. Они договорились встретиться на следующий день, Пинчук принесет договор об оказании услуг, Мусатов – первую часть оплаты за работу.

Через две недели Андрей Мусатов улетел в США. Перед отъездом было много суеты, консультаций, подготовительной работы, кроме того, он каждый вечер ходил на ускоренные «продвинутые» курсы английского, чтобы натренироваться в разговорной речи, и только в самолете Андрей вспомнил, что Наташа все еще дует. Надо же, вместо запланированных им двух недель обида у нее затянулась почти на месяц. А может, это и к лучшему? Пять месяцев – срок немалый, и когда он вернется, можно будет начать новый этап в личной жизни. Ведь если она устроила целый тарарам из-за того, что прождала его всего один вечер, то уж пять-то месяцев Наташа совершенно точно ждать не станет.

ГЛАВА 2

Привет, это снова я, участковый уполномоченный капитан Игорь Дорошин. И снова меня совершенно не к месту потянуло на поэзию, потому что когда я собрался объяснить, с чего началась вся эта история, на память пришли известные еще из школьной программы строки классика: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Ну, моя работа, конечно, от поэтики весьма далека, она даже более чем прозаична, но все равно приходится иногда сталкиваться с тем, что осмысливая конец истории, вспоминаешь, с чего она началась, и только диву даешься! И откуда что берется? Ведь ничто, казалось бы, не предвещало...

А началось (лично для меня) все в тот день, когда я сидел в квартире Капитолины Никифоровны Гарбузюк восьмидесяти трех лет от роду, держал несчастную старушку за руку, то и дело подавал ей лекарство в строгом соответствии с тем, что прописал недавно уехавший врач «скорой помощи», и медленно закипал от злобы. Злобы было много, потому что злился я одновременно в трех направлениях. Первым объектом моего праведного гнева были две негодяйки, которые под видом работников социальных служб ходили по квартирам одиноких пенсионеров, нагло ввали что-то по поводу пересчета пенсий (разумеется, в сторону увеличения пособия), просили посчитать какие-то деньги, что-то подписать, после чего мирно удалялись, а пенсионеры в скором времени с удивлением обнаруживали, что все их сбережения пропали. Способов обмана было множество, и все они хорошо и давно известны, и недели не проходит, чтобы по телевизору в разных криминально-новостных программах об этом не рассказывалось, а все равно старики попадаются. Вторым объектом злости был я сам, потому что обманутый на моей территории старик – моя прямая недоработка. Ведь уж года два как минимум я периодически объясняю своим пенсионерам, что к чему, и каждый квартал самолично пишу некую «методичку-напоминалку», распечатываю на собственном компьютере, а потом за свои деньги делаю пару сотен ксерокопий и разношу по квартирам, где проживают одинокие пенсионеры. Мол, имейте в виду, есть такие мошенники, приходят под таким-то видом, пользуются такими-то предложениями, говорят и делают то-то и то-то, и ни в коем случае не открывайте им двери, а если уж открыли, то не верьте ни одному их слову, а если уж очень они убедительны и правдоподобны и страсть как хочется поверить, то не поленитесь, наберите мой номер телефона (все номера, включая домашний, прилагаются) и попросите подойти. В течение десяти минут я буду у вас и лично разберусь. Ну почему же мои старички и старушки меня не слушаются?!

Поэтому третьим объектом были, как ни печально, те самые непослушные пенсионеры. В течение того самого дня на моем участке «обнесли» сразу двоих, Михаила Иосифовича Бурдейна и Капитолину Никифоровну Гарбузюк, но к старику Бурдейну тут же примчались воинственно настроенные сын с невесткой и двумя взрослыми детьми, а вот бабушка Капа у меня совсем одинокая, никто к ней не придет, поэтому первые часы после стресса и сердечного приступа она проводит в моем обществе.

– Игоречек, сынок, – покаянно бормочет Капитолина Никифоровна, – ну как же так, а? Ведь без ничего осталась, а пенсия только вчера была. На что же я жить-то буду?

Ну, для меня это как раз не вопрос, денег я ей оставляю ровно в размере утраченной пенсии, даже чуть больше, потому что предстоят дополнительные расходы на лекарства.

– Ты их будешь ловить? – с надеждой спрашивает она.

– Буду, – уверенно вру я.

Вру – потому что ловить мошенниц мне вряд ли придется. Не моя это работа, я ж не уголовный розыск, а всего лишь участковый. Моя задача – сделать так, чтобы люди, проживающие на моей территории, не становились жертвами преступлений, в частности вот таких

наглых афер. Ибо известно, что задача участкового это в первую очередь профилактика, предупреждение преступлений, а не их раскрытие.

– А найдешь? – все с той же безосновательной надеждой продолжает вопрошать старушка.

– Я буду стараться. Капитолина Никифоровна, вы читали те листовки, которые я вам приносил?

– Листовки? Какие листовки?

– Помните, я несколько раз приносил вам такие бумажки, в которых написано, чтобы вы были осторожнее, потому что очень много мошенников ходит по домам и обманывает стариков. Ну, вспомнили? В последний раз вы меня еще грибным супом угощали.

– Ах, это... Ну конечно, Игорек, конечно. Ты не думай, я их не выбросила, они все у меня в шкафу лежат, вон в том ящике, – она указала дрожащей морщинистой рукой в сторону громоздкого буфета с резными дверцами. – Можешь проверить, все в целости.

Да что мне их целость! Пусть бы бабушка Гарбузюк их вообще выкинула в помойку, только чтобы предварительно выучила наизусть и не забывала.

– Да я верю, что в целости, Капитолина Никифоровна, но вы их читали? Вы помните, что там написано?

– Ну да, помню... – отвечает она неуверенно.

– Рассказать можете?

– Я... ну, как сказать... нет, сынок, не помню, старая я, память подводит. А что там было? Про оплату коммунальных услуг? Так у меня все вовремя заплачено, – забеспокоилась она.

Вот тут я начал злиться на себя с особой силой. Я что, с ума сошел, полагая, что старый человек будет в течение нескольких месяцев помнить, что я там ему написал? Я что, про склероз никогда не слышал? Или, может, я полагаю, что у стариков мозги и память лучше, чем у меня? И про рассеянность внимания у пожилых людей мне никто никогда не говорил? И сам я этого не видел, не понимал, не замечал?

– Капитолина Никифоровна, – мягко говорю я, – а почему вы им поверили? Расскажите мне подробно и с самого начала, вот они позвонили в дверь, вот вы им открыли... Что они сказали? Почему вы их не испугались, они же совсем незнакомые, мало ли, а вдруг они воровки? Почему вы сразу не подумали плохое? Чем они вас так подкупили?

Оказалось, подкупили они Капитолину Никифоровну разговорами. Дескать, как живете, в чем нуждаетесь в первую очередь, есть ли близкие родственники, навещают ли и как часто. Ах, никого нет? Ну надо же! Как же так получилось? Ах вот как... ну вы подумайте, какая печальная история... А на лекарства денег хватает? А как вы относитесь к монетизации льгот? Станет ли вам лучше от этой реформы? И так далее.

– Я их и чаем поила, и печеньем угощала, и мы все разговаривали, разговаривали... – на глаза у Капитолины Никифоровны навернулись слезы, и в этот момент я готов был удушить и тех двух мошенниц, и самого себя, только надо было решить, в какой очередности это проделывать.

Мне стало ясно, что сколько бы бумажек я ни писал и ни разносил по квартирам, толку от этого не будет ни малейшего, потому что никакие опасения, предупреждения и страхи не перевесят для одинокого человека радости общения. Ему задают вопросы и внимательно слушают, не перебивая, не только всю историю его жизни в прошлом, но и жалобы на жизнь теперешнюю. Ну можно ли перед этим устоять?

Стало быть, что нужно делать, чтобы старики не попадались на крючок бессовестным мошенникам? Правильно, устранять дефицит общения. Бумажки – бумажками, это дело нужное, само собой, но необходимо сделать так, чтобы человек не кидался с распростертыми объятиями навстречу любому, кто готов с ним поговорить и терпеливо его выслушать.

Тот день у меня по графику был «банным», и это означало, что я должен был вымыть своих кошек специальным шампунем против клещей и блох. Вообще-то кошек мыть совсем не обязательно, если не готовишь их к выставкам, но мало ли какую пакость мы заносим в квартиру на своей обуви? Так что ежемесячная противоблошиная стирка является, как мне кажется, необходимой и вполне уместной профилактической мерой. Наверное, сказывается мой менталитет участкового, ведь я уже говорил, что участковый и профилактика – близнецы-братья, как Ленин и партия у Маяковского.

Мытье зверей – это целая эпопея, требующая соблюдения определенной последовательности действий. Первым в ванную затаскивается Айсор, потому что мыться он любит примерно так же сильно, как принимать таблетки и делать уколы, то есть не любит совсем. Почему-то. И если первым утащить на экзекуцию любого другого хвостатого обитателя моей квартиры, Айсор мгновенно понимает, что происходит, и прячется так, что его фиг найдешь, а если и найдешь, то не достанешь. Я все-таки не гигант-штангист, чтобы каждый раз отодвигать от стены огромный тяжеленный диван. Однажды я попробовал. Получилось плохо. И для дивана, и для пола, и для моей спины. Больше не рискую. Так что право первой помывки навсегда закреплено за сообразительным быстроногим юрким Айсором, черным гладкошерстным котом неизвестной породы, но высокого интеллекта.

Айсор ведет себя по-мужски, самоотверженно борется за свободу и независимость, вырывается, царапается, пытается выскочить из ванны, но не издает при этом ни звука. Парень, что и говорить! После его помывки я уже весь мокрый и от воды, и от пота. Дальше все идет легче, святое семейство в составе папы Дружочка, мамы Арины и их дочка Кармы – американских экзотов – к мытью относятся нейтрально, не приветствуют его, но и не боятся так истошно, как Айсор. Девочки, как и положено дамам, не вырываются, но ерзают и утробно воют, так, для порядка, чтобы я, не дай бог, не подумал, что им это нравится. Дружочек молчит, сопит и смотрит на меня с немим укором. Последним под душ отправляется старик Ринго, сибирский котяра, который, в отличие от остальных, мыться почему-то любит, стоит в ванне совершенно спокойно и даже урчит, недовольно фыркая и встряхиваясь только тогда, когда струйки воды попадают ему в глаза или ушки. Несмотря на лояльное отношение к процедуре, возни с Ринго больше всего, потому что шерсть у него длинная, пушистая, и ее нужно не только долго промывать, но и тщательно сушить феном, одновременно расчесывая, иначе появятся колтуны. Если водная часть занимает час на всех пятерых, то сушка и расчесывание Ринго требуют еще полутора. Сушиться он не любит, фена боится, расчески люто ненавидит, посему полтора часа я провожу в более чем странной позе под названием «захват ногами сидя на полу». Держать кота руками возможности нет, ибо в одной руке зажат фен, включенный на самую слабую мощность, а в другой – ненавистная расческа. Третьей руки бог не дал. А жаль. Мог бы предусмотреть такую запчасть специально для кошатников, очень бы пригодилось.

Обычно через пятнадцать-двадцать минут пребывания в позе «захват ногами» у меня начинает зверски ломить поясницу, но в тот день я настолько погрузился в мысли о своих стариках, что боли не заметил. Зато когда Ринго был отпущен на свободу, я, кажется, понял, что нужно делать.

Старикам нужен свой клуб. Или не клуб, называйте, как хотите, но это должно быть место рядом с домом (потому что они – старики, и ходить далеко им трудно), где они могли бы встречаться и общаться, и где можно было бы проводить какие-то развлекательные мероприятия. Чем и как развлечь стариков – это вопрос отдельный, и о нем я буду думать потом. Первый вопрос – это помещение. Второй вопрос – деньги. Допустим, помещение у муниципальных властей удастся выбить бесплатное (что маловероятно, конечно, но шанс есть), но все равно его нужно оборудовать, поддерживать, покупать что-то минимально необходимое, чтобы пришедшие на «посиделки» старички и старушки могли хотя бы чаю выпить и съесть пару конфет. Бюджет никогда в жизни не выделит на это денег, это и к гадалке не ходи, зна-

чит, нужны спонсоры. Кто может стать спонсором? Состоятельные пенсионеры, у которых есть деньги, но не хватает общения? Возможно. Только на моем участке таких нет. На соседнем участке, у моего дружбана Вальки Семенова, старшего участкового нашего «околотка», есть старый академик, лауреат и заслуженный деятель всяческих наук, обладатель огромной квартиры и дорожкой коллекции фарфора, у него, надо думать, денег немало, но вся наша затея ему по барабану, потому что он-то как раз от скуки не страдает, у него постоянно толчется народ – родственники, ученики, последователи, коллеги, коллекционеры, и это является для Семенова неиссякающим источником головной боли: чем больше людей посещают квартиру, в которой есть, что украсть, тем выше риск. Валька на моей памяти раз двадцать ходил к этому академику с увещеваниями хотя бы стальную дверь поставить, ну хоть видеодомофон, ну на худой конец охранную сигнализацию, – все впустую. Упрямый старик ничего не хотел слушать, будучи (непонятно почему) абсолютно уверен, что уж его-то никому в голову не придет обкрадывать, он же почти не выходит из дому. О том, что красть в отсутствие хозяина совсем не обязательно, можно соорудить разбойное нападение с убийством, деликатный Семенов даже заикаться боялся.

В общем, по здравом размышлении я пришел к выводу, что на первых порах спонсором собственной затеи придется стать мне самому. Ну а кому же еще, если не мне? Идея моя, и деньги у меня есть. Если со временем найдутся еще желающие поучаствовать в обеспечении жизни стариков на моей территории, я буду только счастлив, но сидеть и ждать, пока эти желающие появятся, я не стану. Эдак можно много лет просидеть. Никому ведь ничего не нужно, и само по себе ничего не делается. Кто-то должен сделать первый шаг и начать. И пусть этим человеком буду я, в конце концов, это ведь у меня душа болит за моих пенсионеров, так кому же, как не мне, начинать с этой болью бороться? Никто за меня этого не сделает, да и не обязан.

Начал я, как и полагается, с хождения по начальству. Начальство слушало меня вполуха, рассеянно кивало и скупое объясняло, что с нежилым фондом большая напряженка, что даже для обязательных муниципальных служб места не хватает, а об аренде и мечтать нечего – таких денег ни у кого нет. Через месяц таких пустых хождений я понял, что на этом пути сделал все, что мог, и пора переходить на другую сторону улицы.

На моей территории есть несколько фирм, арендующих довольно просторные помещения в двух- и трехэтажных особнячках, и почему бы не поговорить с их владельцами о субаренде небольшой части их помещения? Разумеется, в те фирмы, которые свои особнячки отремонтировали снаружи и навели внутри «Версаль», я и соваться не стану, а вот в те, которые попроще и победнее, вполне можно заглянуть. Особое внимание мне как участковому следует уделить именно тем организациям, у которых не все в порядке в отношениях с санэпидстанцией и пожарной инспекцией. Я внимательно просмотрел свои записи, как внесенные в специальные «паспорта», так и сделанные на клочках бумаги и в рабочем блокноте, и выбрал две наиболее, как мне показалось, перспективные фирмы. В одной из них договориться не удалось, лишние площади у них были, но в разрозненном виде, то есть по одной комнате на разных этажах, а вот в другой мне повезло. У них оказался незадействованным довольно приличный кусок первого этажа, примерно сто квадратных метров. Субаренда этих ста метров счастья оценивалась владельцами фирмы в тридцать пять тысяч долларов на один год, что было вполне по-божески, учитывая месторасположение и существующие в Москве расценки, но очень дорого лично для меня. После разговора о пожарной инспекции и о моих личных возможностях урегулировать имеющийся конфликт, цена снизилась до тридцати тысяч, а после того, как мы душевно побеседовали о том, как хорошо, что для работников фирмы организована собственная столовая, и как плохо, что санэпидстанция без конца высасывает из руководства кровь, находя все новые и новые недостатки и грозя столовую прикрыть, цена упала еще на пять тысяч. Но и двадцать пять тысяч было для меня дороговато.

На другой день я оделся попримечнее, то есть достал из шкафа вещи с виду простые – брюки, сорочку и джемпер, но для тех, кто понимает. А человек, с которым я собирался встречаться, именно понимал. Человека я не уважал, но знал давно и неплохо, потому как какое же может быть уважение между участковым милиционером и главой группировки, «держатель» район, а с другой стороны, хоть я и плохой участковый, но грош была бы мне цена, если бы с этим человеком я не был знаком и не знал о нем много всякого разного. Человек этот по фамилии Абдурахманов и по прозвищу Абдул был воспитан в любви к родственникам и в стремлении непременно всем им помогать, что для народов Кавказа является совершенно естественным, а для меня – выгодным. В данной ситуации, конечно. Абдул любил, чтобы вся родня была под рукой, его многоюродные дядья, братья и племянники оккупировали в наших окрестностях всю розничную торговлю, которой занимались сами, и все прочие виды коммерческой деятельности, с которой исправно взимали дань. Поэтому пробиться на прием к Абдулу большой проблемы не составило, достаточно было всего лишь зайти в любой магазин и сказать несколько слов его хозяину. Примерно часа через три я получил ответ: место и время встречи. Абдул, несмотря на кавказское происхождение, почему-то предпочитал восточную кухню и место наших переговоров определил в ресторане под названием «Чайхана».

Все церемонии, непременно сопровождающие такого рода переговоры, были мне хорошо известны, и я честно их соблюдал. Никаких рукопожатий, но и никаких разговоров о делах, пока не сделан первый глоток и не проглочен первый кусок.

– Не пьешь, капитан? – презрительно прищурился Абдул, увидев, как я вместо вина налил в свой бокал минералку.

Ну прямо-таки, не пью я. Я нормальный русский мужик. Но не с ним же мне пить! И вообще, я за рулем...

– Я, Абдул, рылом не вышел персонального водилу иметь, – спокойно ответил я. – А мне сегодня еще ездить и ездить.

– Да я гляжу, ты не бедствуешь, – он тем самым понимающим взглядом окинул не только мой тщательно выбранный прикид, но и лежащие на столе ключи от машины в кожаном футлярчике от Луи Вюиттона. Кожгалантерея этой фирмы имеет цены просто-таки запредельные, чуть ли не самые высокие в мире.

– На жизнь хватает, – философски заметил я, – а вот на дело – нет.

– А я тебе сколько раз предлагал помочь? Ты ж отказываешься, гордый. Что, передумал?

– Слушай, Абдул, – приступил я к делу, – у тебя родители живы?

– Слава Аллаху.

– Сколько им лет?

– Не понял, к чему ты клонишь, – нахмурился Абдул.

Я объяснил. Абдул слушал и кивал, причем мне даже показалось, что кивал одобрительно.

– Так ты денег хочешь? Сколько?

– Нет, Абдул, денег я не хочу. Я их сам заработаю. Я хочу, чтобы ты поговорил с хозяином той фирмы, которая готова сдать мне помещение. Он просит слишком много за аренду. Что мог – я сделал, цену сбил, но все равно получается дорого. Ты человек богатый...

– Ты моих денег не считай, – резко прервал меня Абдул.

– ... и с понятиями, – продолжал я как ни в чем не бывало, – у тебя есть уважение к старости. У русского человека его нет, а у тебя – есть. Хозяин фирмы сказал, что не может снизить цену, потому что должен платить тебе. И у меня к тебе просьба: скажи ему, что будешь брать меньше до тех пор, пока он будет сдавать мне помещение. Помогите мне сбить арендную плату, иначе я просто не потяну. А дело-то нужное.

– Нужное, – согласился Абдул. – Но почему за мой счет?

– Не только за твой, за мой тоже, – возразил я. – И за мой даже больше. Он хочет двадцать пять тысяч за год. Я могу найти только двадцать. Сними с него пять тысяч в мою пользу.

– Ну допустим. А остальные деньги где возьмешь?

– Свои отдам.

– Интересно, откуда это у тебя такие деньги? – прищурился Абдул. – Ты ж за честного канаешь, руки не мараешь. Или врут люди?

– Да нет, не врут, – усмехнулся я.

– Врут, врут, – убежденно проговорил он. – На какой машине едешь, какие шмотки носишь – я все вижу, меня не обманешь.

Да я и не собирался. Совсем даже наоборот. Я специально оделся так, чтобы Абдул видел: я – человек не бедный, а в его представлении это должно означать, что я человек серьезный и дело со мной иметь можно.

– Я твои деньги не считаю, и ты мои не считай. Сам видишь, бабки у меня есть, а откуда они – это мое дело. Но я готов их отдать. И очень рассчитываю, что ты отнесешься к моей просьбе с пониманием.

– И зачем мне это? Что я с этого буду иметь?

– Спать будешь лучше, – усмехнулся я. – Будешь вспоминать о своих родителях и думать, что ты сделал доброе дело, глядишь – и им там кто-нибудь поможет старость скоротать.

– Я своим родителям сам помогаю, ни от кого помощи не жду.

– Так это тебе повезло, Абдул, – вздохнул я, – не все же такие способные, как ты, не каждый умеет деньги делать. Я, например, не умею, а стариков жалко. Спасибо за ужин, я пойду. Будем считать, что я тебя попросил, но ты мне отказал.

Я промокнул губы салфеткой и встал, но не успел сделать и двух шагов, как услышал:

– погоди, капитан, мы не закончили.

– Разве? – я обернулся и сделал удивленное лицо. – А что еще?

Удивление мое, конечно, было липовым, я вес понимал. Абдул, безусловно, готов был сделать то, о чем я просил, но ему хотелось, чтобы я поунижался, покланчивался, начал сулить ему что-нибудь эдакое, а еще лучше – чтобы я начал угрожать, и вот тут он всласть порезвился бы, отмечая мои смешные угрозы и сопровождая все это оскорбительными выпадами. Натешившись, он, так и быть, согласился бы выполнить мою нижайшую просьбу, но тогда я оказался бы ему должен. Отдавать долг пришлось бы, разумеется, не деньгами, но услугами, а я этого жуть как не люблю. Закончив разговор в позиции равноправного партнера, я ловко уворачивался от попадания в категорию «должников».

– Сядь, – медленно произнес Абдул, буравя меня темными блестящими глазками, – выпей еще кофе, сделай мне уважение.

Ну вот это уже совсем другой разговор. Как представитель преступной группировки Абдул мне малосимпатичен, все-таки мы с ним живем по разные стороны баррикады, но я не мог не признать, что он не отморозок и с ним можно договариваться. У него есть одна маленькая слабость: при всей своей крутизне в отношениях с теми, кто платит ему дань, Абдул любит чувствовать себя благодетелем и меценатом, и на эту слабость я как раз и рассчитывал, собираясь на встречу с ним. Другими словами, он не был жадным. Просто он не терпел, когда кто-то не признавал его власть.

В общем, мы договорились.

* * *

Следующим моим шагом был разговор с Борисом Безрядиным, продюсером нескольких популярных рок-групп. Борис вместе с женой Светкой, моей старинной и душевной подругой, и двумя детьми жил в одном со мной доме, только в другом подъезде, посему отношения

наши были не только деловыми и дружескими, но и почти семейно-родственными. Два-три раза в неделю я забегал к Светке то пообедать, то поужинать, когда лень было самому готовить, она же безотказно помогала мне с котами, если я куда-то уезжал, навещала их, кормила и проводила необходимые санитарно-гигиенические мероприятия в виде чистки лотков.

– Боря, мне нужны деньги. Много, – начал я с места в карьер.

– Для чего?

Я объяснил. Арендная плата за год – это только полдела, помещение нужно подремонтировать, оборудовать всем необходимым, купить телевизор с большим экраном, например, «Пионер». Список расходов был мною продуман и устрашающе длинен, и с Борькой я разговаривал вполне предметно.

– У тебя есть что-нибудь? – спросил он, когда я закончил излагать свой грандиозный план.

– Есть. Две задумки, только руки не доходят сделать.

– Ну так сделай. Только сделай как следует, без халтуры. Принеси мне хорошую партитуру, найди текст, чтобы я не платил автору слов, и я дам тебе столько, сколько нужно, в счет роялтиз. Годится?

– Спасибо, – обрадовался я.

Собственно, это и было то, чего я хотел. Обычно я приносил Борису два-три листка из нотной тетради, где от руки набрасывал ноты мелодии, а все остальное доделывали за мной, ленивым, другие музыканты. Потому и денег за свое халтурное творчество я получал меньше, чем мог бы. Безрядин покупал у меня музыку и честно выплачивал мою долю отчислений за последующее использование. Но сейчас он готов был заплатить эти отчисления авансом, чтобы я не ждал долгие месяцы, пока накапает нужная мне сумма. И не долю, как обычно, а все роялтиз целиком, если я сделаю всю работу сам и за мной не нужно будет доделывать.

Домой я вернулся окрыленным и немедленно принялся за дело. Через три недели я подписал с фирмой договор субаренды помещения и вплотную занялся решением оргвопросов. Перво-наперво нужно найти среди жителей моего участка тех, кто мог бы составить инициативную группу и направить свою активность на организацию ремонта, закупку всего необходимого и составление плана работы клуба. Тут у меня с фантазией оказалось бедновато, кроме закупки видеокассет и дисков с фильмами, которые могли бы привлечь пожилых людей, я ничего умного не придумал и пошел к Светке Безрядиной советоваться.

– Можно приглашать артистов, которые были популярны когда-то, – предложила она.

– Так это денег стоит, – вздохнул я. – У них знаешь, какие гонорары?

– А ты посмотри, кто у тебя на участке живет. Может, среди них найдутся интересные люди, с которыми твои старики захотят встретиться. Уж со своих-то они денег брать не будут, это же общее дело.

– У меня на участке ни одного известного артиста нет, – уныло ответил я.

– Ну не обязательно же артист. Может, у тебя найдется старый сыщик или следователь, который расскажет им про интересные дела.

Все-таки Светка умнее меня раз в сто. И почему до такой простой мысли додумался не я, работник милиции, а она, несостоявшаяся балерина, жена музыкального продюсера, мать двоих детей, домохозяйка?

На следующий день, придя на работу в свой околоток, я вытащил паспорта жилых домов и начал внимательно и вдумчиво изучать сведения о проживающих. Светка направила мои мысли в перспективную сторону, и я наметил для себе нескольких человек, встречи с которыми могли бы быть интересными для моих стариков. Помимо старого следователя, работавшего еще в шестидесятых годах, я наметил переводчицу с китайского, которая наверняка неоднократно выезжала в эту далекую страны и могла бы порассказать не только о Китае, но и о поведении советских делегаций (о, там всегда была масса любопытного и смешного!), а также

парочку ученых-историков. Среди прочих в мой список попала Майя Витальевна Истомина, о которой было известно, что она – писатель. Имя мне ничего не говорило, книг ее я не читал и даже не слышал, поэтому снова обратился за консультацией к Светке, которая читала много и все подряд.

– Майя Истомина? – переспросила она. – Да, была такая, но она уже давно ничего не пишет, по-моему. Или пишет, но что-то малоизвестное, для узкого круга. В общем, я помню, когда я была девицей, я ее читала с большим удовольствием, и она была даже довольно популярна. Но это было давно.

– Ты имеешь в виду свое девичество? – нагло поинтересовался я.

– Хам, – ласково отпарировала Светка. – Не смей напоминать мне о моем возрасте. Если хочешь, я поищу у себя дома какую-нибудь книжку Истоминой, наверняка у меня что-то сохранилось.

– Поищи, пожалуйста, а то неудобно идти к человеку и даже не иметь представления о том, что и как он написал.

Светка обещание выполнила и притащила мне спустя пару дней затрепанный донельзя номер журнала «Эпоха» за восемьдесят первый год, в котором я обнаружил повесть Майи Истоминой «Самосуд». Прочел я ее быстро, и надо признаться, впечатление она на меня произвела сильное. Я не знаток литературы, в том смысле, что не разбираюсь в тонкостях стиля и построении композиции, я – банальный потребитель литературных текстов и оцениваю их с единственной точки зрения: мне интересно это читать или нет.

Читать повесть Майи Истоминой мне было интересно. Герой повести пережил трагедию: похоронил девятилетнюю дочь, насмерть сбитую автомашиной. Суд признал водителя полностью невиновным, поскольку ехал он так, как положено, и даже чуть медленнее, чем позволялось на данном участке, виновата была сама девочка, которая ринулась через дорогу в месте, где не было перехода, наперерез транспортному потоку. Но убитый горем отец с решением суда не согласился и поставил перед собой цель жизни: сжить негодяя-водителя со света. Несколько лет он потратил на то, чтобы сделать жизнь несчастного водителя невыносимой. По большому счету он пытался довести его до самоубийства, демонстрируя чудеса жестокой изобретательности. И гоняясь за призраком мести, полностью разрушил собственную жизнь. Вот такая поучительная история.

Перед тем, как идти к писательнице знакомиться, я попытался вспомнить все, что знаю о ее семье. Не вспоминалось ничего. В моих бумажках было написано, что Майя Витальевна Истомина, уроженка г.Москвы, 1950 года рождения, проживает в четырехкомнатной квартире с мужем, Евгением Николаевичем Чаиновым, тоже москвичом и ее ровесником, что дети у нее взрослые и живут отдельно и что домашних животных в квартире не имеется. За время моей работы на участке, а тому уже больше десяти лет, сталкиваясь мне с семейством писательницы не приходилось, а это означает, что жертвами преступлений они не были и домашними скандалами не баловались. Наше знакомство ограничилось моим первым визитом к ним и заполнением паспорта на квартиру, так что не только я ее не помню, но и она меня. Я позвонил Истоминой, заранее приготовившись услышать удивленно-недовольный тон и слова о том, как она занята и в ближайшее время выделить полчаса для беседы со мной не может, однако я обманулся в своих ожиданиях. Тон у Майи Витальевны и впрямь был удивленным, но никакого недовольства я в нем не услышал:

– Да пожалуйста, приходите в любое время, я сегодня целый день дома.

Вот это удача! Я быстренько почистил ботинки, одернул форменную куртку, схватил папку и помчался к писательнице. Даже машину брать не стал, добежал ножками за пять минут.

Открывшая мне дверь Майя Истомина выглядела примерно такой, какой я всегда представлял себе писательниц среднего возраста. Молодые авторессы в моем воображении должны быть некрасивы, плохо подстрижены, худосочны, бледны и слегка заторможены (и откуда

только это взялось в моей голове?), писательницы маститые должны быть похожи на бабушку Барто (когда я был маленьким, никаких других портретов женщин-писателей я просто и не видал) или на Крупскую, а литературные дамы между сорока и шестьюдесятью представлялись мне именно такими, как встретившая меня женщина. Невысокая, крепкая, чуть полноватая, темные волосы с уже заметной сединой распущены по плечам. Очки в модной оправе, причем две пары сразу: одни на лице, вторые – на цепочке – висят на груди. Я такое уже видел у людей, которые давно страдают близорукостью, а с годами получившие впридачу еще и возрастную дальнозоркость. Брюки, свободный неброского оттенка джемпер, в вырезе которого видна золотая цепочка с замысловатым кулоном.

Майя Витальевна проводила меня в гостиную, предложила чаю-кофею и вполне благоклонно выслушала мои объяснения насчет клуба.

– Вы думаете, ваши пенсионеры захотят со мной встречаться? – она с сомнением покачала головой.

– Почему же нет?

– Ну, я не настолько известна, и потом, меня как автора-беллетриста уже подзабыли, в последние годы я ничего такого не публиковала, что могло бы быть им интересно. Последний роман у меня вышел десять лет назад, с тех пор я занимаюсь только преподаванием и эссеистикой.

– А где вы преподаете? – поинтересовался я.

– В Литинституте, веду творческий семинар. Игорь Владимирович, можно, я задам вам вопрос?

– Конечно, ради бога.

– Это, вероятно, звучит глупо, но... Мне кто-то говорил, что наш участковый – сын Владимира Дорошина. Врут, наверное, да? Вам уже надоело отвечать на этот вопрос?

– Да нет, – рассмеялся я, – не врут. Я действительно сын того самого Дорошина. А вы поклонница классического вокала?

– Честно признаться, нет, – улыбнулась она. Улыбка у Истоминой была чудесная, мягкая и какая-то застенчивая, словно извиняющаяся. – Эта часть искусства как-то прошла мимо меня. Но имя громкое. Трудно быть сыном такой знаменитости?

– Ни капельки. Вот если бы я пошел по музыкальному пути – тогда да, тогда было бы трудно, потому что все время вспоминали бы папу и сравнивали меня с ним по степени одаренности. А в милиции кому интересен баритон Дорошин? Среди моих коллег больше половины не знают, чем баритон отличается от тенора, а процентов девяносто пять ни разу в жизни не слышали оперу. Им до моего отца никакого дела нет. Если бы я был сыном министра внутренних дел, вот тогда мне мало не показалось бы. Но я, слава богу, не сын министра, а сын всего лишь певца.

– Ничего себе «всего лишь»! – Истомина всплеснула руками. – Даже я, человек далекий от музыки, и то знаю, что ваш отец выступает на ведущих оперных сценах мира. Кстати, как раз вчера по каналу «Культура» я слышала, что на следующей неделе он начинает петь в Барселоне вместе с Пласидо Доминго и нашим Черновым. Только я не запомнила, в какой опере.

– В «Аиде».

– Знаете, – она снова улыбнулась робко, словно прося прощения, – мне как-то трудно это представить... Неужели можно вот так просто прийти в театр и увидеть, услышать, дышать одним воздухом с Доминго, с вашим отцом? Не по телевизору увидеть, а своими глазами? Наверное, чувство необыкновенное.

– Не знаю, – пожал я плечами, – наверное, это дело привычки. Я привык. Хотя вспоминаю, когда я был еще школьником, в Москву приезжал Паваротти, так я действительно трепетал. А потом как-то пообвыкся. Хорошим вокалом наслаждаюсь, но уже не трепещу. Я ведь на оперные спектакли хожу, как на работу.

– Это как же? – удивилась она.

– Маму сопровождаю. Она жутко переживает, когда папа поет, особенно если премьера, и ей нужно, чтобы я находился рядом, утешал ее, подбадривал, поддерживал.

– А если премьера за границей, как же мама без вас обходится?

– А она и не обходится. На первый спектакль я обычно прилетаю, потом она успокаивается, и я возвращаюсь домой.

– С ума сойти!

Истомина смотрела на меня расширившимися глазами и некоторое время молча пила чай. Потом лицо ее слегка изменилось, словно в голову ей пришла какая-то мысль.

– Игорь Владимирович...

– Можно просто Игорь.

– Хорошо, Игорь... А в Барселону вы сейчас полетите?

– Похоже, полечу. Мама, во всяком случае, настаивает, и билет я забронировал. Так что если она не передумает, придется лететь. А что?

– Знаете, у меня к вам будет просьба... такая, немножко необычная... Ничего?

Ну вот, начинается. Когда просьба обычная, это, как правило, означает, что нужно кому-то позвонить и что-то спросить или передать. Вторым вариантом обычной просьбы было что-то купить, чаще всего лекарство или сигареты в «дьюти фри». А что такое просьба необычная? Встретиться с резидентом разведки и передать ему шифровку?

На самом деле просьба оказалась почти обычной. Нужно будет всего-навсего пойти в книжный магазин и купить два-три экземпляра книги. Майя Витальевна поведала мне, что примерно год тому назад к ней обратился представитель крупного издательства из Испании с предложением купить права на перевод и публикацию дневников и записных книжек. У них есть проект, который так и называется: «Записная книжка»; в этой серии публикуется то, что называется «записные книжки писателей»: наброски, заметки, дневниковые записи, зарисовки. Одним словом, то сырье, из которого впоследствии прорастает литературный текст. Серия предназначена не столько для широкого читателя, сколько для литературоведов, критиков и прочих специалистов. Проект предусматривает публикацию записных книжек одного автора из каждой европейской страны. Единственным условием было то, что хотя бы одно произведение этого автора должно быть переведено на испанский, чтобы тот, кто будет читать «записную книжку», мог обратиться и к литературному тексту, дабы воочию увидеть, что из чего произрастает и что из этого получается. У Майи Истоминой, как выяснилось, на испанском вышли в свое время целых две книги, так что она порылась в архивных папках, нашла то, что нужно, сделала ксерокопии и отдала. Подписала договор, получила гонорар наличными и теперь хочет иметь книжку на испанском языке. Желание вполне законное и более чем понятное.

Просьба не показалась мне обременительной, и я с готовностью пообещал Майе Витальевне ее выполнить. Она же, в свою очередь, пообещала мне прийти в клуб, когда мы ее позове-
м, чтобы рассказать моим любимым старикам о разных известных писателях, с которыми ей доводилось встречаться.

Если бы я знал в тот момент, какой лабиринт загадок и старых тайн вырастет из такой невинной вещи, как просьба купить в Барселоне книжку на испанском языке...

* * *

Мои надежды на то, что мамуля перенесет очередную папину премьеру с олимпийским спокойствием, рухнули. Предстоящее выступление Владимира Дорошина в «Аиде» в партии эфиопского царя Амонасро превратилось для моей мамы сначала в Кошмар, потом в Кошмарный Ужас, и за два дня до спектакля она рыдала в телефонную трубку и требовала, чтобы я немедленно прибыл. Ситуация была привычной, и алгоритм действий на этот случай у меня

давно отработан. Поездка в агентство «Аэрофлота», чтобы выкупить забронированный билет на самолет, потом поход в поликлинику к врачу, который мало того, что является большим любителем оперы, но еще и числится моим участковым терапевтом, с пониманием относится к мамулиной нервной системе и выписывает мне больничный по первому требованию, потом короткие посиделки со старшим участковым Валькой Семеновым, поскольку в мое отсутствие он по должности обязан брать на себя мой участок. Я почистил щеточкой смокинг (никакой другой одежды на премьерах мамуля не допускала), упаковал его в портплед, побросал в небольшую сумку туалетные принадлежности и футболку на случай жары, поскольку дело было в сентябре и в Барселоне стояла солнечная и вовсе не морозная погода, сдал котов Светке Безрядиной на попечение и отбыл в аэропорт.

Из всех зарубежных городов, где мне приходится бывать по случаю папиных премьер и маминых Кошмарных Ужасов, я больше всего люблю Барселону. Дело в том, что я от рождения страдаю географическим кретинизмом и в незнакомом месте немедленно начинаю путаться в улицах и терять направление, а Барселона в основном спроектирована квадратно-гнездовым способом, во всяком случае в центральной своей части, дальше которой я все равно не уйду, и чтобы там заблудиться, нужно быть еще тупее, чем я, а это, поверьте мне, не каждому дано. А еще в Барселоне есть совершенно замечательный проспект под названием «Диагональ», строго по диагонали пересекающий весь город, и если держаться вблизи от него, то заблудиться невозможно даже при очень большом желании. Вторым достоинством Барселоны в моих глазах является тот факт, что оперный театр «Лицеу» находится на бульваре Рамбла, упирающемся в набережную. То есть гуляешь себе по Рамбле, пьешь пиво или кофе на свежем воздухе, рассматриваешь и покупаешь сувениры в лавках (неприменно доброму доктору-терапевту, а также Вальке Семенову и его многочисленному семейству), любишь морем, дышишь морским воздухом, смотришь на чаек, потом – в нужный момент – раз! И ты уже у папы в гримерке, напяливаешь принесенный загодя смокинг и отправляешься вместе с мамулей в зрительный зал. Просто, легко и удобно. Я не большой любитель экскурсий, и осмотр достопримечательностей меня особо не вдохновляет, поэтому я предпочитаю гулять по бульвару Рамбла, удаляясь от него максимум на полкилометра. Но книжных магазинов рядом с театром не было.

Пришлось просить маму о помощи, тем более ее все равно нужно было всеми силами отвлекать от Кошмарного Ужаса. Мамуля, ловко чирикающая на языках всех стран, где регулярно выступает папа, с удовольствием согласилась пойти со мной за книгой. В первом же магазине, куда мы зашли, серии «Записные книжки» не оказалось, более того, девушки-продавщицы о такой серии даже не слышали.

– Это маленький магазин, – обнадежила меня мамуля, – сейчас я тебя отведу в большой книжный магазин, где есть все.

Но и там «Записных книжек» не оказалось, и продавщицы все так же недоуменно пожали плечами и говорили, что о такой серии не слышали.

– Вполне может быть, – авторитетно заявила мама. – Ты же сам сказал, что серия рассчитана на специалистов, а не на широкого читателя, это скорее научная литература, и искать ее надо в специализированных магазинах.

Вместо вожденной прогулки по Рамбле пришлось возвращаться в гостиницу, где был компьютер с подключением к интернету. Мамуля принялась ловко бегать по сайтам и через некоторое время озадаченно произнесла:

– Егорушка, что-то я нигде не найду упоминаний об этой серии. Ты точно помнишь, что она называлась «Записные книжки»?

– Точно, – уверенно ответил я.

– А как называется издательство?

– Ой, вот этого я не спросил. Но можно позвонить Истоминой и спросить, она наверняка знает.

– Ну так позвони, а то мы методом простого тыка ничего не найдем.

Хорошо, что я взял с собой номер телефона Истоминой. Она оказалась дома и по буквам продиктовала мне название издательства. Мама снова села к компьютеру, а я вышел на террасу, уселся в шезлонг, подставил лицо горячему солнышку и расслабился. Вот найдем книжку для Майи Витальевны, вечером отсижу спектакль, послушаю папу, а завтра утром – в аэропорт и домой. Странная у меня жизнь все-таки... Позавчера я еще бегал по улицам, помойкам, заброшенным гаражам и загаженным подвалам, сегодня сижу в роскошных апартаментах в пятизвездочном отеле, почти на берегу Средиземного моря, и вокруг меня звучит радующая мой слух испанская речь (ну, если быть точным – не совсем испанская, а каталонская, но для меня, не знающего ни одного из этих языков, разницы нет), а послезавтра я снова надену форму и буду бегать по чердакам и помойкам, искать угнанные машины и урезонивать дебоширов и пьяниц.

Кажется, я задремал, потому что когда на ухом раздался мамин голос, вздрогнул и чуть не свалился с шезлонга.

– Егор, я ничего не понимаю, – встревоженно сказала мама. – Я не могу найти ни серию, ни издательство.

– Может, оно маленькое, и у него нет своего сайта, – сонно предположил я.

– Да я не только сайт искала, но и вообще упоминание о нем. Не может такого быть, чтобы оно нигде не упоминалось, если оно есть.

– Мам, все может быть. Давай найдем контактный телефон какого-нибудь крупного издательства, позвоним им и спросим. У них же есть какие-то свои справочники.

– Это мысль, – оживилась она и снова села за компьютер. – Вот, я нашла телефоны издательской группы «Планета».

– Годится, – одобрил я, – Если группа, то уж точно большое, и они там все знают.

Я продолжал нежиться на террасе, а мама бойко разговаривала по телефону. Я не понимал, что она говорит, но по интонациям догадывался, что она уговаривает кого-то, сердится и в чем-то пытается убедить. Вероятно, ей дали другой номер телефона, потому что она позвонила еще куда-то. Вполуха прислушиваясь к ее мелодичному щебету, я думал о том, что рядом с мамулей особенно остро ощущаю собственное несовершенство. Мало того, что она легко схватывает разговорный язык любой страны и умело им пользуется, она еще и в городском пространстве ориентируется безошибочно, пользуясь картой крайне редко. Наверное, сказывается многолетний опыт поездок с папой на гастроли, но и природными талантами моя мамуля не обижена. А уж какая она красавица! О папе с его вокальными и артистическими талантами я уж не говорю, и совершенно непонятно, как у таких родителей мог появиться такой неудачный сынок, как я. Ничем не выдающийся скромный участковый милиционер. Правда, у меня тоже есть некоторые способности, дающие мне возможность зарабатывать вполне приличные деньги, но до мамы с папой мне – как до Луны. Или до Марса. Астрономию в школе я учил из рук вон плохо, совсем, можно сказать, и не учил, поэтому слабо представляю, какая планета дальше от Земли. Кажется, все-таки Марс, потому что Луна вроде бы спутник. Или нет? Не помню.

Наконец мама повесила трубку и позвала меня.

– Они совершенно уверены, что не существует ни такого издательства, ни такой серии, – растерянно произнесла мама.

– Но ты же сама понимаешь, что этого не может быть. Есть договор, и они заплатили деньги. Стоп! – обрадованно воскликнул я. – Я идиот! Ведь есть же договор! И в нем должны быть реквизиты издательства, его адрес и имя человека, подписывающего контракт. Сейчас я снова позвоню Истоминой и все выясню.

Я схватился за телефон.

– Договор? – удивленно переспросила Майя Витальевна. – Но у меня его нет.

– Как – нет? А куда он делся?

– Я его подписала и отдала тому представителю, который ко мне приходил.

– Но у вас же должен был остаться свой экземпляр. Вы же подписывали как минимум два экземпляра.

Уж в этом-то я был докой, сам такие договоры подписывал с продюсерской компанией Бориса Безрядина каждый месяц, и всегда по три экземпляра, один из которых оставался у меня.

– Конечно, Игорь, я понимаю, о чем вы говорите. Он принес мне два экземпляра договора, я оба подписала, он их забрал, чтобы отправить в Испанию, где их подпишут руководители издательства.

– И что? Вам подписанный экземпляр не вернули?

– Нет. Да я как-то и забыла об этом. Деньги же заплатили...

– Майя Витальевна, я задам нескромный вопрос, просто чтобы понимать...

– Да-да, пожалуйста.

– Большой был гонорар?

– Очень приличный для такого рода материала.

– И все-таки?

– Пять тысяч евро.

Действительно, более чем приличный. Насколько я знаю, такие деньги платят, когда покупают права на беллетристику, которую рассчитывают продать немаленьким тиражом. Для узкоспециальной литературы пять тысяч евро даже многовато. Значит, намерения у издателя, купившего у Истоминой права, были серьезными. И куда же он делся, издатель этот, вместе со своей узкоспециальной книжной серией?

Во мне проснулся милиционер, и мне стало интересно.

– У вас остались координаты того человека, который к вам приходил? – спросил я Майю.

– Нет.

– Ни телефона, ни адреса?

– Нет, Игорь, ничего. Он сказал, что приехал из Испании, живет там постоянно, в Москве остановился в гостинице. Какой смысл оставлять координаты?

– Ну хотя бы имя и фамилию вы запомнили?

– У меня записано. Сейчас, минутку...

Она пошуршала возле трубки какими бумагами, наверное, листала прошлогодний ежедневник.

– Нашла. Клюев Сергей Иванович.

Да толку-то... Где я сейчас по всей Испании буду искать этого Клюева? И зачем я задал вопрос? Бессмысленно. Наверное, сработала привычка, я почувствовал себя на работе и забыл, что нахожусь за границей.

– Вы меня простите, Игорь, из-за меня у вас столько хлопот. Бог с ней, с этой книжкой, не тратьте на нее время. Я догадываюсь, что могло произойти.

– И что же?

– Издательство не было крупным, это мне Клюев наврал, оно было на самом деле маленьким и только-только родившимся. «Записные книжки» – это их первый проект, они его придумали и были уверены, что он пойдет. А проект не пошел вообще. Или у них что-то случилось, и они лопнули, не выпустив ни одной книжки. Вот и все. Так бывает, я знаю. Жаль, конечно, но что поделаешь.

На миг мне показалось, что я снова вижу ее улыбку, осторожную, словно она сомневается в своем праве улыбаться.

За час до начала спектакля мы с мамой уже сидели в папиной гримуборной, дальше все поехало по привычной колее: спектакль, овации, цветы, ужин, сон, обильный «пятизвездоч-

ный» завтрак, такси в аэропорт, регистрация, паспортный контроль, два блока сигарет в «дьюти фри» для Светки Безрядиной, четыре с лишним часа в воздухе – и я уже забираю со стоянки в «Шереметьево» свою машину.

Всё. Я дома.

* * *

Секретарь Ларочка терпеливо стояла у двери в ожидании, пока шеф соизволит ее заметить. Ей с самого утра казалось, что Лев Александрович вроде как не в себе, вопросы задает странные, ответов не слушает, и глаза у него какие-то... непривычные, что ли. За три года работы у Аргунова Лара таких глаз не видела, а ведь за три года всякое бывало: и трудности, и конфликты, и скандалы, уж казалось бы, шефа она во всех состояниях успела увидеть. Ан нет. Сегодня он был совсем особенным, непонятным, и оттого Лара нервничала и не знала, как правильно себя вести, чтобы не разозлить начальника, который вообще-то всегда вел себя корректно и если и повышал голос, то только не на нее, своего секретаря.

Аргунов склонился над бумагами, сидя за столом, но Лара отчетливо видела, что он их не читает. Однако же головы он не поднимал и на Лару не смотрел, хотя не далее как десять минут назад вызвал ее в кабинет. Лара вошла и вот уже битых десять минут стоит, чувствуя себя полной душой, и не понимает, что происходит. Аргунов молчит, хотя не может не видеть стоящую в трех метрах от себя девушку.

– Лев Александрович, – вполголоса позвала Лара уже в третий или в четвертый раз.

Эта попытка оказалась удачной, шеф поднял глаза и уставился на секретаря с видом полного недоумения.

– Да, Лара? Вы что-то хотели?

– Вы меня вызвали, – сдержанно ответила девушка, пытаясь скрыть обиду.

«Что-то хотели». Да ничего она не хотела. Уже восьмой час, ей давно пора уходить, а она стоит тут, как дура, и ждет неизвестно чего.

– Ах да, простите, Ларочка, я отвлекся... Что-то я хотел вам сказать... Черт, из головы вылетело. Простите, ради бога.

– Да ничего, Лев Александрович, – смягчилась она.

Кто его знает, может, у него в самом деле такие серьезные проблемы, что голова не на месте. Всякое бывает.

– Вам чай сделать? – участливо спросила она.

– Нет-нет, спасибо. Вызовите машину, поеду домой.

– Хорошо.

Она позвонила водителю Аргунова, навела порядок на своем рабочем столе, выключила компьютер и кофе-машину, сменила обувь, сняв туфельки на высоких каблуках и надев более удобные, в которых ходила по улице, освежила макияж и приготовилась уходить. Но не раньше, чем уйдет шеф. Такое правило. Если он сам не скажет, что секретарь может быть свободна до завтра, то нужно сидеть до тех пор, пока он у себя в кабинете.

А Аргунов все не уходит. И чего он там высиживает? Звонка, что ли, ждет от кого-то? Зачем тогда просил вызвать машину? Ничего не понятно.

Лара со вздохом открыла сумку и достала книгу, которую читала в электричке. Жила она в ближнем Подмосковье, на дорогу времени уходило много, поэтому без книжки она обычно из дому не выходила.

Она успела прочесть десять страниц, когда в приемной появился Миша, водитель Аргунова.

– Лар, случилось что или как? Чего шеф-то не идет? Или вертаем все назад и никуда не едем?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Велел вызвать машину, больше никаких указаний не поступало.

– Может, позвонишь, спросишь? А то я как дурак в машине сижу, а там такой футбол идет, я с охранниками смотрел. Если пока не едем, тогда я пойду еще посмотрю.

– Сам звони, – огрызнулась Лара, которая Мишу отчего-то недолюбливала.

– Ты чего, Лар? – удивился парень. – Конфликт интересов, что ли?

– Да нет, просто Лев Александрович сегодня какой-то слабо адекватный. Меня вызвал, так я у него перед носом битых полчаса поторчала, пока он меня заметил. А потом оказалось, что он не помнит, зачем вызвал. В общем, если что – звони ему сам, я нарываться не хочу.

Насчет полчаса она, конечно, сильно преувеличила, но что это за женщина, если она в своих рассказах воспроизводит события с точностью до минуты и сантиметра? Женщины, в отличие от мужчин, прирожденные рассказчицы, а для рассказчика первое и главное дело – сделать рассказ интересным и ярким, иначе будет скучно. Мужчины излагают факты, а женщины рассказывают истории, в этом вся разница.

В приемной стоял небольшой телевизор, и Миша бросил на него плотоядный взгляд.

– Лар, я включу телик, можно? Здесь посижу, футбол посмотрю.

– Включи, – холодно ответила она. – Только негромко.

Аргунов вышел спустя еще сорок минут, и Лариса с сожалением отметила, что книжка уже почти закончилась и на дорогу в метро и электричке оставшихся страниц явно не хватит.

* * *

– Не гони, Миша, – попросил Аргунов, – дождь, дорога мокрая. Я не тороплюсь.

– Хорошо, Лев Александрович, – кивнул водитель, – не буду.

Аргунову было плевать и на мокрый асфальт, и на дождь. Но он действительно не торопился. А если быть совсем честным с самим собой, то Льву Александровичу пришлось бы признаться, что он пытается всеми силами оттянуть момент возвращения домой. Потому что дома он больше не сможет делать вид, что ничего не произошло, он откроет шкаф в своей спальне и снова увидит ЭТО.

Он увидел ЭТО вчера поздно вечером, когда перед сном доставал из шкафа чистую пижаму. ЭТО выпало с верхней полки прямо ему в руки. Маленькая футболочка на ребенка лет семи-восьми, желтенькая, со смешным зайцем на груди. В первый момент он окаменел, потом судорожно запихнул футболку обратно в шкаф, закрыл дверцу и трясущимися руками запер ее на ключ, словно кусочек желтого трикотажа был живым и мог оттуда выползти, наброситься на него, спящего, и задушить.

Ночью он боялся уснуть, да и не смог бы, наверное, даже если бы очень захотел, лежал, прислушиваясь к себе, всматриваясь в самого себя, вспоминая и холодея от ужаса. Неужели все вернулось?

...Прошло почти тридцать лет, но до сих пор он не может без ужаса и содрогания вспоминать то, что тогда произошло. Тогда, в семьдесят пятом, он обнаружил в своей квартире, в тумбочке возле дивана, поясок от детского платица, белый в красный горошек. Сначала удивлялся и недоумевал, даже смеялся над неожиданной находкой и весело, как помнится, за бутылкой дешевого вина, на кухне своей квартиры, с шуточками и прибаутками поведал об этом своему другу Славке Ситникову. Славка сначала тоже смеялся, потом вдруг стал необычно серьезным.

– Слушай, Левка, а ведь это плохо, – озабоченно произнес он. – Очень плохо.

– Почему? – не понял Лева.

– Да ты понимаешь... В общем, я не должен тебе этого говорить, потому что... ну, ты сам понимаешь. Это информация закрытая, ее разглашать нельзя. Но тут такое дело...

Славка помялся и, чтобы потянуть паузу, стал разливать по стаканам вино. Лева Аргунов все еще ничего не понимал, но его охватила такая острая тревога, которую просто невозможно было вынести.

– Да не тяни ты! – прикрикнул он на друга. – Решил говорить – говори, а то напугал до смерти.

– Ну... ты же знаешь, я в горькоме работаю в отделе, который курирует административные органы, в том числе милицию. Ну вот, нам в обязательном порядке дают сводки происшествий по городу. Только, Лева, я тебе ничего не говорил, ладно?

– Да ты и так пока ничего не сказал. Ты можешь толком объяснить, что за фигня с этим пояском?

– Понимаешь, в Москве орудует маньяк, который уводит из детских садов и школ маленьких детишек. Убивает их и... ну, всякое такое. Не буду тебе рассказывать в подробностях. Вся милиция на ушах стоит, его уже почти год ищут. Только, Лева, я повторяю, информация закрытая, ее ни в коем случае нельзя разглашать, иначе в городе поднимается паника.

– Да я понимаю, – с досадой крикнул Аргунов. – Только я-то тут при чем?

– Левка, ты не обижайся на меня, но помнишь, ты мне как-то говорил, что в детстве у тебя были приступы... Ну, ты вроде как лунатизмом страдал.

– Сомнамбулизмом, – подтвердил Аргунов.

– Ходил во сне куда-то, а потом вспомнить не мог, где был и что делал. Тебя даже из пионерского лагеря чуть не выгнали за это. Было?

– Было. И что? Ты хочешь сказать, что я во сне куда-то пошел и где-то украл этот дурацкий пояс от платья? Так у меня этих приступов уже много лет не было.

– Лева, ты меня послушай, – Ситников потянулся за сигаретами, судорожно закурил. – Ты ведь уже давно живешь отдельно от предков, верно? Сколько лет, как у тебя своя квартира?

– Шесть. И что?

– А то, что ты живешь один. Понимаешь? Совершенно один. Пока ты жил с родителями, они видели, что ты по ночам встаешь, что-то делаешь, а утром не помнишь ни хрена, и они могли тебе об этом сказать. А сейчас кто тебе скажет? Если ты ходишь куда-то во сне, кто это видит? А тот, кто тебя видит, откуда может знать, что ты на самом деле спишь и ничего не соображаешь, а потом ничего не вспомнишь? Некому тебе об этом сказать. И ты живешь в счастливом неведении, думаешь, что приступы у тебя давно прекратились. А на самом деле...

– погоди, погоди, – испугался Лева, – ты что, думаешь, что это я – маньяк? Что это я детишек увожу и убиваю? Ты что, охренел совсем?

Он почти кричал, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев. В этот момент он готов был убить своего друга Славку Ситникова. Его охватила такая ярость, что в глазах потемнело.

И вдруг он опомнился. Ярость, неконтролируемая агрессия, желание ударить, убить... Он, тихий безобидный аспирант, физик-теоретик, сын мамы-доцента и папы-профессора, подающий надежды двадцативосьмилетний молодой ученый Лева Аргунов, книжный червь, – он, оказывается, способен на такие сильные и разрушительные эмоции. А если и в самом деле...? А вдруг Славка прав, и приступы не прекратились, просто он теперь о них не знает?

Лева попытался взять себя в руки, успокоиться и сосредоточиться. И спасительная мысль сразу же пришла!

– Но ведь детей уводили из детского сада и школы, так?

– Так.

– Значит, это было днем?

– По-разному. Когда утром, когда днем, а когда и ближе к вечеру.

– Вот видишь, – Лева торжествующе улыбнулся. – Значит, не ночью. Ночью дети спят у себя дома и их никуда нельзя увести.

– Ну ты даешь, – недобро усмехнулся Ситников. – Ты кто? Служащий в конторе? Ты – аспирант, ты сидишь дома и работаешь над диссертацией, у тебя рабочее время не с девяти до шести, а когда ты сам захочешь. Что я, не знаю, как вы работаете? Сидите над своими книжками ночи напролет, а потом весь день отсыпаетесь. Да ты сам вспомни, сколько раз я тебе днем звонил, а ты отвечал мне совершенно сонный и говорил, что лег спать только в восемь утра, потому что вечером тебе в голову пришла очередная гениальная идея и ты всю ночь ее просчитывал и продумывал. Было?

– Было, – признал Лева. – Слушай, Слава, ты меня не первый год знаешь, скажи честно: ты действительно считаешь, что я способен на такое? Ты в самом деле думаешь, что это я?

– Ну что ты, – Ситников успокаивающе улыбнулся и снова разлил вино. – Давай выпьем. Он залпом осушил свой стакан и снова закурил.

– Ты мой друг, Левка, и я тебе верю как себе. Но не все люди на свете твои друзья и будут тебе верить. Поэтому лучше, чтобы про эту историю с пояском никто не знал, понимаешь? Я никому ничего не скажу. И ты никому не говори. Ладно?

– Нет, подожди, – Лева все никак не мог успокоиться, – я хочу разобраться. Я должен понимать...

– Ничего ты не должен, – Слава чуть повысил голос. – Не бери в голову. И я дурак, не надо было тебе рассказывать. То есть нет, я правильно сделал, что рассказал, потому что теперь ты понимаешь, что об этом пояске и о твоих приступах не надо трепаться направо и налево. Понял? Скажешь кому-нибудь, сарафанное радио разнесет повсюду, дойдет до ментов, они к тебе прицепятся, всю душу вымотают, еще, не приведи господь, на психиатрическую экспертизу отправят. Хорошо, если на амбулаторную, а если на стационарную? Это ж на месяц в психушку залететь! А ты физик-теоретик, у тебя секретность и все такое. И всё, конец карьере. Понял?

– Понял. Но все равно я хочу понимать, есть у меня приступы или нет, и если есть, то что я делаю в это время, – твердо сказал Аргунов. – Я не верю, что я убийца, но я ученый и не принимаю ничего на веру. Я должен знать точно.

– Экий ты, право, – улыбнулся Ситников. – Ну, заведи себе бабу, пусть она с тобой живет и ночует у тебя, сразу все узнаешь. Да вот хоть подружку нашу с тобой – только помани, сразу твоя будет. Она по тебе давно сохнет, сам знаешь.

– С ума сошел, – фыркнул Лева. – Сто лет она мне не нужна.

– Да брось ты, красивая девка, влюблена в тебя как кошка, чего тебе еще надо? И главное: если что не так – она тебя никогда не выдаст. Просекаешь?

– Даже говорить об этом не хочу, – отрезал Аргунов.

– Да почему? Чем она тебе не нравится?

– Не нравится – и всё. И вообще, я уверен, что никакого «если что не так» не будет.

– Ну, это само собой, – согласился Ситников.

В тот день они много выпили и больше к разговору о приступах Аргунова и загадочном пояске от детского платья не возвращались, стараясь обсуждать что угодно, только не это.

Слава Ситников давно ушел, а Лева все сидел в комнате на диване, крутил в руках поясок в красный горошек и с ужасом думал: «Неужели это действительно сделал я? Славка только делает вид, что верит мне, на самом деле он уверен, что это я убиваю и насирую детишек, но он мой друг и готов меня покрывать. Он готов мне помочь, он даже пошел на служебный проступок, разгласив закрытую информацию, чтобы уберечь меня от необдуманных действий. Он знает точно, что это я. А я? Я это знаю?»

Примерно месяц после этого Лева Аргунов жил в непрекращающемся кошмаре. Каждый день, ложась спать, он тщательно осматривал свое жилище, стараясь запомнить, что, где и в каком положении находится, ставил хитрые «метки» и, проснувшись, первым делом проверял, нет ли следов того, что он во сне вставал и что-то делал. Сон с каждым днем становился все

короче и тревожнее, в конце концов он вообще перестал спать, похудел, почернел, забросил работу над диссертацией, сутками напролет изводя себя сомнениями и страхами. Он – убийца? Или нет?

Потом стало полегче, в конце концов любая боль ослабевает, а страх становится привычной частью повседневной жизни. Прошло еще несколько месяцев, и все вошло в обычную колею. Сомнения остались, ничего не забылось, но тревога понемногу притупилась, и Лева снова вплотную занялся диссертацией, быстро доведя ее до завершения. Ситников больше ни разу не заговорил об убитых детях, а Аргунов никаких вопросов сам не задавал. Он боялся услышать ответ, с которым он не будет знать, что делать.

Еще через два года Лева совсем успокоился и сделал, наконец, предложение молодой женщине, с которой давно встречался. Он женился, у него родилась дочь, он вполне успешно двигался по лестнице научно-педагогической карьеры, изменил научную специализацию, занявшись прикладной физикой, запатентовал кучу изобретений, которые могли с успехом применяться в технологии строительства, а с приходом новой экономики начал, не без помощи своего старого друга Славы Ситникова, заниматься бизнесом, торгуя этими самыми технологиями. Бизнес развивался успешно, Аргунов стал человеком состоятельным и теперь, когда до шестидесятилетия осталось всего два года, подумывал о том, чтобы заняться политикой. С его деньгами это вполне реально, можно стать если не вторым, то уж третьим лицом практически в любой партии, его примут с распростертыми объятиями. Кошмар семьдесят пятого года почти забылся...

И вдруг вчера он обнаружил в своем шкафу детскую футболку. И все вернулось. Уже три года, как они с женой спят в разных спальнях. И не потому, что отношения испортились, нет, просто возраст дает о себе знать. Жена давно жаловалась, что по ночам Лев Александрович храпит так громко, что она не может спать рядом с ним. У нее же, напротив, сон беспокойный, ей порой снятся тяжелые сны, после которых она просыпается с сильным сердцебиением, приходится вставать, чтобы выпить лекарство или просто стакан воды, и ей не хочется беспокоить мужа.

Дом огромный, трехэтажный особняк, спальня жены на втором этаже, сам Аргунов спит на третьем, и даже если он и встает по ночам, она совершенно точно этого не услышит и не увидит. Пока спали вместе, жена ничего не говорила о его приступах, и Аргунов был уверен, что их нет. Закончились они давным-давно, и можно про это забыть раз и навсегда. Но кто знает, что происходит в последние три года? В доме есть охрана, но охранники по ночам крепко спят, это Аргунов знал точно. Их работа нацелена на то, чтобы не дать посторонним проникнуть на территорию участка, для чего существует навороченная электронная сигнализация. Задания следить за выходящим из дому хозяином они не получали. И даже если бы увидели ночью Льва Александровича, только плечами пожали бы: ну вышел человек погулять, имеет право. Не такого масштаба он фигура, чтобы телохранители за ним днем и ночью таскались. Аргунов знал, что сомнамбулизм – штука малоизученная, специалисты говорили ему, что это до сих пор «белое пятно», никто не может сказать точно, отчего начинается снохождение и отчего прекращается. От психической травмы, от сильного стресса, от длительного нервного перенапряжения, даже от инфекционной болезни – от чего угодно. А стрессов в жизни состоятельного бизнесмена всегда хватало, причем с годами к ним не привыкаешь. Наоборот, с возрастом переносишь их все труднее, с все более тяжелыми последствиями для здоровья, это всем известно.

Все было так благополучно, так спокойно... И вдруг все вернулось. Но может быть, это только сон? Не было вчера никакой детской футболочки, это ему приснилось. И бессонной ночи не было, на самом деле он крепко спал, так крепко, что теперь не может отделить сон от яви. Сейчас он приедет домой, будет ужинать вместе с женой, потом поднимется к себе на

третий этаж, войдет в спальню, откроет шкаф и убедится, что никакой желтой футболки со смешным зайцем и в помине нет.

А если она есть? Что с этим делать? Как было бы хорошо, если бы у него были внуки! Можно было бы сказать себе, что кто-то из ребятишек играл в дедушкиной спальне и сунул в шкаф свою маечку. И не было бы никаких вопросов, мучений, сомнений и страхов. Но внуков у Аргунова не было. Его единственная дочь всего неделю назад вышла замуж и уехала с новоиспеченным мужем на два месяца в свадебную поездку по Европе.

Он никогда не думал, что его дом находится так близко от центра Москвы. Когда машина въезжала на территорию участка, Аргунов невольно втянул голову в плечи. Ему хотелось стать маленьким и незаметным, исчезнуть, раствориться в салоне машины и перестать быть. Тогда не нужно будет входить в дом, подниматься в свою спальню и открывать шкаф.

И не открыть его он не может. Потому что открыть нужно. Потому что теплится еще, трепыхается на дне души надежда, что все приснилось и ничего не было.

А если ЭТО есть?

Тогда он позвонит Славе Ситникову. Слава – единственный, с кем можно об этом поговорить.

* * *

Олеся снова поставила две фишки на красное, одну на «нечет» и три на вторую дюжину. «Каждый раз одно и то же», – подумал Ситников, с улыбкой глядя на молодую женщину.

– Неужели тебе никогда не надоест повторять одни и те же ставки? – ласково спросил он. – Хотя бы ради разнообразия поставь на «зеро» или на первую дюжину.

– Ни за что! – весело отчеканила Олеся, чмокнув его в щеку.

– Ну тогда поменяй количество фишек.

– Ни за что, – повторила она, не отрывая глаз от шарика, судорожно мечущегося в колесе рулетки. – Это дело принципа. Красное, нечет и вторая дюжина. Я буду играть до тех пор, не выиграю на этом.

– Так на этом много не выиграешь. Я бы еще понимал, если бы ты ставила на одно и то же число. Тут вопрос только терпения, и рано или поздно сорвешь банк. А так...

– Мне не нужно много и сразу, – она улыбнулась и прижалась к нему. – Мне важен процесс. Пожалуйста, попроси, чтобы мне принесли «кампари-оранж».

Ситников огляделся, нашел глазами официанта и сделал едва заметный знак пальцами. Через мгновение чернявый симпатичный юноша склонился к нему.

– Слушаю вас.

– Даме «кампари-оранж», а мне, будьте любезны, эспresso и пачку «Вог».

Он медленно пил свой кофе, затягивался тонкой «дамской» сигаретой и любовался Олесей. Боже мой, как же он ее любил! Когда он смотрел на нее, у него внутри все таяло и превращалось в мягкую пуховую подушку. В ней не было недостатков, она была совершенством, как совершенны бывают дочери для любящих отцов, а сыновья – для любящих матерей.

У Олеси в сумочке замурлыкал мобильник. Она досадливо сморщила носик и не глядя щелкнула замком.

– Алло! Я? В казино. Ну да, играю... Нет-нет, не беспокойся, я с папой... Да перестань ты, ради бога, ну сколько я выпила-то? Три кампари, там алкоголя вообще кот наплакал. Ладно, ладно, хорошо.

Она протянула трубку Ситникову.

– Получи руководящие указания, – шепнула она и снова отвернулась к игровому столу.

– Конечно, я ее отвезу, не волнуйся, – проговорил он, не тратя лишних слов на приветствия. – Пока, увидимся.

Вот дал же бог девке мужа! Хуже матери-наседки. Впрочем, в роли бога в данном случае выступил сам Ситников. Что ж, за все надо платить. У Гриши есть недостатки, а у кого их нет? Но зато в этом браке масса достоинств, и за Олесю Вячеслав Антонович спокоен. Она в хороших руках. Во всяком случае, в таких, какие устраивают лично его, Ситникова.

– С папой она, – хмыкнул он, возвращая ей телефон. – Нашла себе прикрытие. Думаешь, если папа стоит рядом, то порок в глазах твоего мужа перестает быть пороком?

Олеся повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Если папа стоит рядом, значит, рядом нет любовника, – мягко произнесла она. – Это же очевидно.

«Вот уж это-то совсем не очевидно», – с сарказмом подумал Ситников.

Он так до конца и не понял, что влечет ее сюда, в казино, почему она с таким упорством приходит играть на рулетке дважды в неделю, делает одни и те же ставки и покидает заведение не тогда, когда заканчиваются фишки и деньги, а в одной ей известный момент. Играла она азартно, волновалась, сжимала ладони, глаза горели, щеки то пылали, то покрывались мраморной бледностью, но примерно через два часа Олеся прекращала игру и уходила. И сколько Вячеслав Антонович ни бился, вразумительного ответа он так и не получил.

Он заказал еще кофе, отошел от стола и сел в мягкое кресло, рядом с которым стоял низенький деревянный столик с пепельницей. Сам Ситников не играл вообще, никогда и ни при каких обстоятельствах, у него не было тяги к азартным играм, они не были ему интересны, кроме того, он – государственный чиновник, руководитель департамента в министерстве экономики и должен беречь репутацию. Хорошо известно, что игры в казино – легкий и практически не проверяемый способ отмывания денег, полученных в виде взяток, а зачем Ситникову эта головная боль? Но с Олесей он ходил в казино с удовольствием, потому что каждая минута рядом с ней была праздником. Не играл, а просто стоял рядом или чуть в стороне, наблюдал за тем, как она играет, разговаривал с ней. Вот и сейчас он сидел и смотрел на ее обтянутую тонким трикотажным платьем спину, на изящную шею, на покачивающиеся длинные серьги, изысканно постриженные волосы на затылке, и ему казалось, что ничего лучше, ничего прекраснее на свете не существует. Как же милостива к нему судьба, давшая ему Олесю и позволявшая любоваться этой красотой!

Снова зазвонил мобильник, на этот раз у него.

– Слава...

В первый момент он даже не узнал голос и нахмурился.

– Слушаю вас, – строго произнес он.

– Слава, это я.

– Господи, Левка! Что у тебя с голосом? Ты заболел? Или что-то случилось?

– Случилось. Слава, мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно и срочно.

– Что, прямо сегодня?

Ситников бросил взгляд на часы: половина одиннадцатого. Н-да, дела...

– Не отказывай мне, Слава. Я пропаду.

– Ну конечно, конечно. Ты хочешь ко мне приехать?

– Я... не знаю. Не понимаю, как лучше... Я вообще ничего не понимаю.

– Все ясно. Ты дома?

– Да.

– Я сам приеду.

– Когда?

Ситников снова глянул на циферблат. Сейчас дороги уже относительно свободны, пробок не должно быть нигде. На то, чтобы отвезти Олесю домой, уйдет минут двадцать, оттуда до загородного дома Аргунова – еще минут сорок. Но согласится ли Олеся прервать игру прямо

сейчас? А вдруг начнет капризничать, захочет еще остаться? Придется тратить время и слова на объяснения и увещевания.

– Примерно через час – час пятнадцать. Раньше не успею.

– Я жду тебя, Слава, я тебя очень жду.

Но тратить ни слова, ни время не пришлось. Стоило ему только сказать, что пора ехать, она немедленно собрала со стола оставшиеся фишки, и ни малейшего следа неудовольствия на ее красивом лице Ситников не заметил.

– Извини, что я тебя сорвал, – виновато сказал Вячеслав Антонович, когда они сели в машину. – Но это действительно важное дело.

Олеся молча взяла его за руку, прижала пальцы к своей щеке, поцеловала.

– Никогда передо мной не извиняйся, – голос ее звучал тихо, но твердо. – Ты знаешь, что делаешь, и не мне судить, правильно это или нет.

От этих слов в горле у него встал ком, и Ситникову показалось, что он вот-вот расплачется. Он крепче сжал ее тонкие пальцы.

– Ты – самое большое сокровище в моей жизни. Так есть, так будет, и этого не отменят никакие твои мужья. Ты все равно будешь моим сокровищем, а не их. Ты поняла?

– Почему «мужья», почему во множественном числе? – она лукаво улыбнулась. – У меня только один муж. Или ты планируешь для меня кого-то еще?

– Человек предполагает, а бог располагает, – отшутился Вячеслав Антонович. – Все может случиться в этой жизни.

Олеся резко отдернула руку и повернулась к нему. Стоянка возле казино была залита светом, и даже в неосвещенном салоне машины лицо ее было видно отчетливо, до малейшей черточки.

– Ты что, серьезно? – напряженно спросила она.

– Ты о чем?

– О том, что у меня может быть еще какой-то муж кроме Гриши.

– Все может случиться, – повторил он.

Ему нравилось поддразнивать ее.

– И ты это допустишь?

– Ну а почему же нет? Любовь, Олесик, штука малоуправляемая. Влюбишься, потеряешь голову, и что нам с Гришей прикажешь делать? На замок тебя закрывать?

– Не смей так говорить. И думать так не смей. Мне не нужен никакой другой муж.

Она должна была сказать еще одну фразу, просто обязана была ее сказать. Она всегда ее говорила, и Ситников приготовился услышать эти слова. Но... В этот раз Олеся промолчала. Она их произнесла мысленно, это было видно по слегка сощурившимся глазам, по подрагивающим губам, но вслух она так ничего и не сказала.

Вячеслав Антонович внутренне усмехнулся. Олеся тоже любила его поддразнивать. Что ж, они друг друга стоят. Старый матерый волк и молодая острозубая волчица.

* * *

Несмотря на полтора десятка лет, прожитых в безжалостном мире бизнеса, Лев Александрович Аргунов во многом так и остался ученым-физиком, напроць лишенным фанаберии нуворишей. Загородный дом он построил только потому, что дочь рано или поздно выйдет замуж (так оно и случилось), у него появятся внуки, и пусть у них у всех будет просторное красивое жилище, окруженное елями и соснами. Самому ему куда больше нравилось жить в городской квартире, в центре Москвы, и он время от времени оставался там ночевать, если освобождался поздно, а на следующий день предстоял ранний подъем и хотелось выспаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.